

ПИОНЕР

Посмотрите, какие хорошие игрушки получили малыши детских домов города Рузы! Этот подарок приготовили им московские пионеры ко дню тридцатилетия Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже второй год пионеры Октябрьского района Москвы шефствуют над ребятами Рузы, разрушенной фашистами. В этом году они позаботились не только о малышах, но и о школьниках.

Летом в лагерях ребята сделали несколько десятков коллекций гербариев и других учебных пособий по ботанике, биологии и зоологии.

В дни праздников всё это было отправлено в Рузу.

БАЛЛАДА О ПИОНЕРЕ

Борис Раевский

Рис. Ф. Лемкула

Когда к костру
из тёмной ночи
Шагнул мальчишка и бойцам
Сказал негромко, что проскочит
Глухой тропинкой из кольца,

Все хмуро улыбнулись: слишком
Казался маленьким мальчишка.

Но некого послать другого.
— Дойдёшь?— спросили у связного.

— Я пионер!— бойцам в ответ
Сказал мальчишка, взяв пакет.

Он шёл два дня, он шёл две ночи,
Он шёл и падал среди кочек.

Когда казалось, не пройти,
Когда сбивался он с пути,

Когда малейший шорох рядом
Казался вражеской засадой,

— Ты пионер! Ты слово дал! —
Мальчишка сам себе шептал.

И снова он шагал. И снова
Вставало солнышко над ним,
И лес уже не так сурово
Шумел ветвями над связным.

И он дошёл. На третий день
Добрёл, шатаясь, словно тень.

Когда прочли пакет в землянке,
Когда на штурм рванулись танки

И было к бою всё готово,
— Ты кто?— спросил майор связного.

— Я пионер!— он прошептал.
Майор взглянул: мальчишка спал.

НОВЫЙ УЧИТЕЛЬ

Рис. Б. Винокурова

В. Осеева

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО

Каникулы кончились. На крыльце школы сторож Иван Васильевич, по прозвищу «Грозный», приветливо встречал ребят:

— Отгуляли, пожалуйста!

В дверях 4-го «Б» стояли два ученика. Каждого входившего они сопровождали звонким щелчком по спине:

— Отличник! Проходи!

— Честь имею! Сам Трубочёв! — крикнул один из ребят.

— Здорово! — кивнул головой Васёк.

В классе было шумно. Ребята наперебой рассказывали друг другу новости.

Нadia Глушкова, круглолицая, румяная девочка с чёрным бантом в стриженных волосах, оживлённо рассказывала что-то подругам и громче всех смеялась сама.

— Лида! Лида Зорина, — теребила вертлявая остроносая Нюра Синицына свою подружку, — у тебя лёгкая рука! Я хочу с кем-нибудь партой поменяться! Где мне сесть? А то новый учитель придёт, а я ничего не знаю!

— Лягушка-путешественница! Прочного местечка ищёт! — сострил Коля Одинцов, пробираясь к Саше Булгакову.

Саша, окружённый со всех сторон ребятами, рассказывал:

— Я сзади него шел... Думал, может, родитель чей-нибудь... А тут директор Леонид Тимофеевич... «Ну, — говорит, — сегодня у вас, Сергей Николаевич, первое знакомство с классом!» Я тогда оглянулся и побегал...

По коридору прокатился гулкий звонок. Ребята разбежались по партам. Все взгляды устремились на дверь.

* * *

Новый учитель понравился ребятам сразу. В нём чувствовалась военная выправка, он двигался по классу уверенно и легко, не делая лишних движений, говорил звучным голосом, отчётливо выговаривая слова. Всё у него было складно, крепко, начиная с серого костюма и кончая короткими уверенными жестами. Васёк заметил, что даже лицо у нового

учителя было крепкое, твёрдое, не расплывающееся при улыбке. Он вошёл в класс так, как будто только вчера вышел из него, мгновенно запоминал фамилии и разговаривал с ребятами, как со старыми знакомыми. Он спрашивал, как провели ребята каникулы, где были, что видели. Потом рассказал о себе, как школьником он любил собирать всякие коллекции и как однажды, записавшись за какие-то водоросли, полчаса просидел в реке.

— Не утонули? — испуганно спросила Надя Глушкова.

— Как видишь, — улыбнулся учитель.

Он улыбался редко, но улыбка у него была очень светлая и запоминалась надолго.

Ребята разговорились. Каждому хотелось рассказать что-то о себе. Коля Одинцов летом был на Урале. Он привёз оттуда разные камни.

— Ты принеси в следующий раз, — мы их тут рассмотрим! — сказал учитель.

Саша Булгаков собирал марки, многие ребята — коллекции насекомых. Васёк вспоминал, что летом он занимался выжиганием по дереву, и спросил:

— Можно принести?

— Принеси, принеси!

На следующем уроке Сергей Николаевич вызывал к доске. Спрашивая, он терпеливо ждал ответа, а одному мальчику заметил:

— Ты сначала подумай, о чём ты хочешь сказать, а потом говори. Нужно, чтобы мысль была совершенно ясная, тогда её легко выразить словами.

Уходя, учитель обратил внимание, что в одном месте парты слишком выдвинуты вперёд, и без всякого усилия он один передвинул весь ряд. Ребята ахнули.

* * *

После уроков не хотелось расходиться по

Нюра Синицына.

домам. Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя, каждый жест, улыбку, слово.

— Нет, какой силач! Силач-то какой! — с восторгом кричал Лёня Бекин.

— Изю всех учителей наш самый лучший! — говорили девочки.

— Он, наверное, военным был! Крепкий такой, ловкий! — предположила Одинцов.

— У него, пожалуй, не побалуешься на уроке, — опасно сказал Русаков, взмахивая длинными ресницами.

Ребята засмеялись.

— Видали мы всяких, — равнодушно сказал толстый Мазин. — А что он одевает?

— Вышвырнет из класса, вот что! Видал, как парты одним махом передвинул?

— А человека взять за шиворот ему и вовсе, наверное, ничего не стоит, — сердито сказал Саша.

— Не возьмёт, — тряхнул головой Мазин, — небось, ещё никого не взял и не возьмёт.

— Да мы хорошо сидели!

— Ты сам, как дохлый жук на булавке, к парте прилился! — насмешливо сказал Васёк.

— И всё равно как бы мы ни сидели, ни тебя, ни меня, ни другого, ни третьего за шиворот он не возьмёт, — упрямо повторил Мазин, — потому...

— Потому что он учитель! — zvolнованно закончил за него Сева Малютин. — Он что-нибудь другое придумает.

— Верно! Верно!

— Ну и прекратите дурацкие разговоры, — покраснел Трубочёв. — И так его будут слушаться!

— Конечно! Синицына — и та как воды в рот набрала. А потом у доски каким-то тоненьким, но своим голосом пищала, — фыркнул Одинцов.

— Фу, глупость какая! И ничего подобного... Он мне ни капельки не понравился, даже ни одной капельки, — прищурившись, протянула Синицына.

— Да не может быть, — растягивая слова и так же прищурившись, передразнила её Одинцов.

— Дразнишь не дразнишь, а не понравилась! — обернулась к нему Синицына.

— А почему не понравилась? Говори, почему? — подступили к ней ребята.

— Она и сама не знает, — улыбнулась Валя Степанова.

— Нет, знаю! — упрямо сказала Синицына. — Во-первых, у него к детям никакого подхода нет! А просто он с нами обращается, как со взрослыми!

— Фью! — свистнул Одинцов. — Что же он, в детский сад пришёл? В ладошки хлопать должен?

«Баба шла, шла, шла,
Пирожок кашла!» —

запел он картавым голосом. — Эх ты, дошколёночек!

В класс заглянул директор.

— Леонид Тимофеевич! А у нас новый учитель! — крикнула Лида.

— Да что ты говоришь? — развёл руками

директор. — Как же это так? А я ничего не знаю!

Ребята дружно расхохотались.

— Я знаю, что вы знаете... — смутилась Лида, прячась за спины подруг.

Директор посмотрел на часы:

— Учитель новый, а расписание старое, или вы решили на вторую смену остаться?

Ребята с шумом выбежали из класса.

В КЛАССЕ

Ребята из 4-го «Б» прибежали в школу раньше всех. Почти каждый из них тащил что-то подмышкой или осторожно нес свою раздутую сумку.

— Стой, стой! Показывай, что за багаж у тебя? — останавливал на крыльце Грозный.

Иван Васильевич недаром получил от ребят своё прозвище. В высокой меховой шапке с суковатой палкой в руке во всякую погоду он

Ребята шумно обсуждали каждую шутку учителя...

стоял на крыльце, встречая и провожая школьников. На прозвище «Грозный» старикнисколько не обижался.

— Я для вашего брата и есть Грозный, потому что безообразия в школе допускать не могу, — сурово говорил он.

Иван Васильевич не переносил двух вещей: пугачей и рогаток. И на эти вещи них у него был безошибочный. Он угадывал по походке школьника, по выражению лица, когда школьник проходил мимо него и особенно вежливо говорил:

— Здравствуйте, Иван Васильевич!

Грозный угадывал присутствие этих вещей по какому-то ему одному известному признаку. Он настораживался и в самых дверях останавливал ученика:

— Стоп!.. Что-то ты такой бодрый нынче?

И, нащупав оттопыренный карман, вытаскивал оттуда предательски торчащую рогатку.

— Так, до зубов вооружился. Давай пугач!

— Так, до зубов вооружился. Давай пугач!
— Да нету у меня, Иван Васильевич!
— Нету? Кому-нибудь другому рассказывай!

Трубачёв Грозный пропустил беспрепятственно: из сумки у него торчала только выжженный пенал.

В классе ребята показывали друг другу свои сокровища. Девочки принесли свои работы: вязанье, платочки, вышивки. Мальчики высмеивали их:

— Станет он это смотреть! Очень ему нужно! В куклы с вами играть!

— Мы Марии Михайловне всегда показывали! Ей даже нравилось очень! — кричали девочки.

— Марии Михайловне! Да она сама вышивала, она учительница, а он учитель! — доказывали им мальчики.

— Девочки! Не слушайте их! Вот назло я первая свою вышивку покажу! Я не боюсь! — кричала Синецкина.

— Ну и что хорошего! Только осрамится! — возмущался Одинцов.

— А какое вам дело? Мы сами за себя отвечаем!

— Девочки! Не обращайтесь на них внимания! — уговаривала подруг Зорина.

Валя Степанова медленно развязывала какую-то коробочку.

— Мы просто покажем всё, что у нас есть. А ты, Одинцов, умнее, когда молчишь, честное пионерское! — спокойно сказала она.

Навстречу Ваську бросился Саша:

— Трубачёв! Я тебя давно жду! Вот марки принёс!

— И я принёс пенал и рамку! — Васёк хлопал по сумке.

— Трубачёв! — крикнула Синецкина. — Мы первые будем свои работы показывать!

— Трубачёв! Они хотят со своими вышивками вылезать... Понимаешь? Новый учитель — военный человек, а они к нему с тряпками, — объяснил Одинцов.

— У вас своё, а у нас своё!

Васёк положил на парту сумку.

— Тише! — он выждал, пока наступила тишина. — Кого Сергей Николаевич спросит, тот и покажет! Мальчик или девочка, понятно? А самим не вылезать, категорически, понятно?

— Понятно, — прошумел класс.

— Ну, и ладно! Так, по крайней мере, никому не обидно.

Ребята занялись рассматриванием принесённых вещей. В классе шуршала бумага, под партами валялись обрывки газет, тесёмки, тряпочки... Саша был занят своими марками. Одинцов раскладывал по ящичкам свои камни. Трубачёв, сидя боком на парте, что-то рассказывал ребятам. Когда в класс вошёл Сергей Николаевич, все вскочили:

— Здравствуйте!

Учитель прошёл к столу. Под ноги ему попалась какая-то бумажка. Он поднял её, повертел в руках, потом оглядел класс и свинул брови.

— В классе грязно. В чём дело? — отчётливо сказал он и, не дождавшись ответа, заложил руки за спину и отошёл к окну.

Класс ахнул под себя, несколько ребят сорвались с места и нырнули под парты. Саша бросился за чёткой. Через минуту учитель повернулся к классу. Все сидели уже на местах с виноватыми, сконфуженными лицами.

— Я думал, что говорить о чистоте и порядке в 4-м классе мне не придётся. Но пусть это будет первый и последний раз. Вы не малыши, и объяснять тут вам нечего. Есть староста, есть дежурный по классу, есть санком. Честный человек честно относится к своим обязанностям. Так я и буду расценивать это.

Все были подавлены. Синецкина, прижав ладонью рот, отвернулась и сделала ребятам гримасу.

«Что? Говорила я вам? Вот и любите его после этого!» — было написано на её торжествующей физиономии.

Начался урок. Учитель вызывал к доске, спрашивал с мест. Ребята подтянулись. Они старались так ходить, как ходит учитель, так чётко выговаривать слова, как выговаривает он, и вообще заслужить улыбку, шутку, похвалу. Выходя к доске, мальчики опускали руки «по швам» и старались держаться прямо, по-военному. На перемене озабоченно переговаривались между собой:

— Не спрашивает, что принесли!

— Забыл или рассердился!

— Ага, захлопала ушами! Похвалиться хотели, а он и не спрашивает ничего! — злилась Синецкина.

Васёк заложил в учебник свою рамочку, он уже пожалел, что принёс её:

— Испачкаю только зря.

Но на последнем уроке Сергей Николаевич вдруг сказал:

— Кто-то из вас собирался принести свои работы, коллекции. Одинцов, кажется, хотел показать уральские камни!

Ребята ожили, воспрянули;

— Одинцов, Одинцов, иди!

Одинцов покраснел от удовольствия.

— Можно показать?

— Конечно.

Одинцов вытащил из сумки серую коробку с несколькими отделениями и подошёл с ней к столу. Учитель с удовольствием рассматривал камни. О каждом он знал что-нибудь интересное. Рассказывая, держал камень на ладони и обходил с ним всех учеников. Или говорил Одинцову:

— Покажи ребятам.

За камнями появились коллекции насекомых, за коллекциями сашины марки. Всё приобретало особый интерес в руках учителя.

— Вот этот жук... — говорил Сергей Николаевич.

И жук начинал оживать в его рассказе. Он гудел, жужжал, портил в садах деревья, спасался от преследования и, наконец, укладывался обратно в коробку.

— Вот эта марка... — говорил учитель.

И марка начинала длинное путешествие из чужой страны через моря, через океаны, на судне, на самолёте, в поезде и, наконец, возвращалась к Саше. Васёк показал пенал и рамку с карточкой матери. Учитель спросил, кто выжигал. Васёк сказал, что он сам. Учитель посмотрел на карточку и улыбнулся:

— Твоя мать?

— Да, — сказал Васёк и, испугавшись, что учитель будет что-нибудь спрашивать, поспешно добавил:

— Она умерла.

— Возьми, — сказал учитель, передавая ему рамку, и, подняв вверх пенал, стал рассказывать, как по дереву можно выжечь различные рисунки и раскрасить их.

Несколько мальчиков не принесли ничего. Учитель удивился:

— А что же вы любите, что делаете дома?

Малютин вытащил из-под парты большой лист.

— Я немножко черчу, — сказал он. — Вот тут я нашу школу начертил, и улицу, и парк... — рассказывая, он проводил мизинцем по тонким и жирным линиям на бумаге. — А вот это, — указал он на другой чертёж, — прямо так, я выдумал из головы такое, чтобы мне хотелось... чтобы было... Новая школа, фруктовый сад вокруг, пристань...

Ребята вытянули шеи и с любопытством смотрели на Севу. Но он был увлечён своей работой и позабыл обо всех.

— Постояй, это очень интересно! Это план, так сказать. Молодец! — с видимым удовольствием сказал учитель. — А как же ты чертишь научился?

— У меня мама — чертёжница, я ей помогаю иногда, — скромно сказал Сева.

— Интересно, — улыбнулся учитель. — Ну, давай покажем ребятам, как делается план улиц, строений. Покажи-ка им их школу!

Сева прошёл по всем партам, объясняя:

— Вот улица... вот школа...

Когда он кончил, Сергей Николаевич сказал:

— А девочки нам ничего не показали!

Девочки низко наклонились к партам. Лида Зорина бросила торжествующий взгляд на мальчиков и шепнула что-то Вале Степановой.

Степанова встала:

— У нас одно фото... потом одна девочка занимается лепкой... потом ещё одна книжки переплетает... и ещё...

Она обернулась к подругам.

— Игрушки... игрушки... — подсказал кто-то сзади.

— Да, игрушки на ёлку и ещё... вышивки всякие, — закончила Валя Степанова.

— Так давайте, что же вы! Это всё нужные и интересные занятия! Очень интересные!

Девочки, перешёптываясь, достали свои свёрточки и гуськом потянулись к столу.

Мальчики переглядывались:

— Ого! Когда это они делали! Вот хитрюги какие!

— Смотри, смотри! Степанова снимок показывает!

Сергей Николаевич держал в руках фотографический снимок:

— Очень интересная работа! Это ты что же, увеличил?

За снимками появился вылепленный из глины галчонок с раскрытым ртом и растопыренными крыльями, за галчонок — выдаты из гипса фигурки и аккуратно переплетённые книги. Мальчики молча таращили глаза.

Сергей Николаевич рассмотрел всё с большим интересом. Лучшие работы показывал классу. Вышивки, кружева и вязанья тоже понравившись учителю.

— А вот это и я умею делать! — вдруг сказал он, поднимая вверх туго сплетённый из сузага пояс. — У меня даже галстук такой есть!

Девочки ликовали. Мальчики улыбались, но на девочек не глядели. Учитель рассмотрел ещё несколько вышивок, на одной трудно было определить, кто вышит: нето заяц, нето кошка. Разговор перешёл на мышей, ежей, кроликов.

Одинцов сострил:

— А Лёня Белкин поймал белку.

— Жалко, что у нас нет Медведева: он поймал бы медведя, — сказал учитель.

— Есть, есть Медведев! — закричали ребята. Медведев, коротенький, щупленький мальчик, поднялся с места.

— Мне не поймать, — смущённо сказал он под громкий хохот ребят.

УРОК ГЕОГРАФИИ

Первым уроком была география. Сергей Николаевич пришёл в класс большую немую к-рту.

Валя Степанова.

Сева Малютин.

— Сейчас мы с вами немножко попутешествуем! — сказал он, отходя в сторону и поправляя руки.

Из окна на лицо Сергея Николаевича падал свет, и ребята в первый раз заметили, что у него светлосерые глаза и очень белые зубы, от этого улыбка освещала его тёмное лицо и запоминалась надолго.

— Ну, так... Трубочёв! Зорина! Мазин! — медленно называл учитель.

Ребята с интересом смотрели, как один за другим подходили к доске вызванные. Васёк старался казаться спокойным, чёрные бровки Лиды Зориной испуганно лезли вверх, и даже на голых щеках Мазина выступил румянец. Все трое остановились у карты.

Учитель окинул их взглядом и обратился к классу:

— Три рыбака... скажем, бригады рыболовческих бригад, водным путём везут в Москву рыбу...

Ребята слушали внимательно, боясь пропустить хоть одно слово.

— Ты, Трубочёв, везёшь рыбу... — учитель прищурился и поглядел на карту... — с Балтийского моря... Зорина везёт рыбу с Каспийского моря, а Мазин — с Белого моря, все три бригады должны встретиться в Москве. Понятно?

— Понятно, — ответил за всех Васёк.

Лиды Зорина уже бегала глазами по карте. Мазин тоже уставился на карту, пытаясь определить направление рек.

— Посмотрите внимательно, выберите себе путь и отправляйтесь, — сказал Сергей Николаевич. — Ну, кто первый начнёт?

Ребята поглядели друг на друга.
— Я, — сказал Васёк и взял указку. — «Будь, что будет», — подумал он.

— Трубочёв? Ну, пожалуйста!

— С Балтийского моря я вошёл в Финский залив, — начал Васёк.

Учитель кивнул головой.

— Прошёл по Неве... — Васёк показал по карте.

— Хорошо, — сказал Сергей Николаевич.

— ...В Ладожское озеро... — Васёк откашлялся, чтобы выиграть время. — Затем вот по этой реке...

— Свири... — подсказал Сергей Николаевич.

Васёк заторопился:

— В Онежское озеро...

Через секунду он уже плаыл по Шексне, достиг Рыбинского моря, благополучно прибыл в Москву и облегчённо вздохнул.

— Очень хорошо, Трубочёв! Теперь жди своих товарищей.

Лиды Зорина взяла указку.

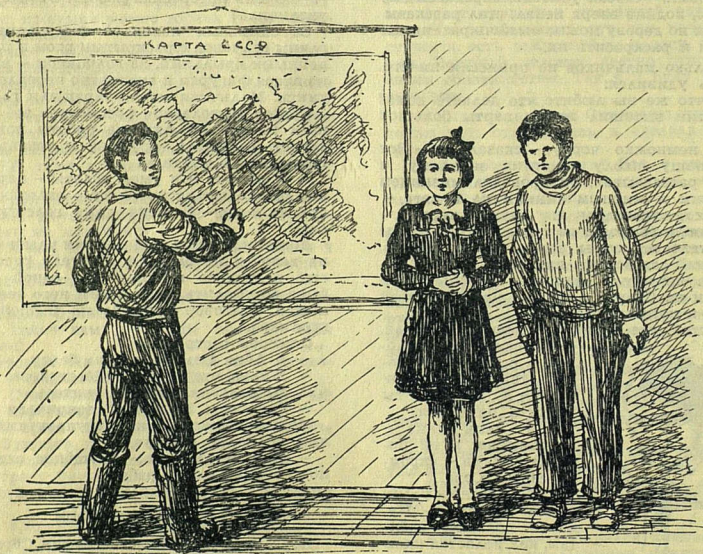
— Вот, кажется, на встречу с тобой направляется женская бригада Зориной. Откуда идёшь, Зорина?

— С Каспийского моря, — ответила Лиды Зорина, осторожно вывела свой пароход на Волгу, прошла мимо Астрахани, мимо Сталинграда, вышла на реку Оку, бойко перечислила по пути несколько городов, благополучно прибыла в Москву и, тряхнув косичками, передала указку Мазину.

— Я вот здесь поеду, — сказал Мазин, направляясь к Северной Двине.

Учитель улыбнулся:

— Как хочешь, но есть более короткий путь.

— Я первый, — сказал Васёк и взял указку. — «Будь, что будет», — подумал он.

— Я по Северной Двине, — безнадежно сказал Мазин, упираясь в неизвестные ему при токи.

Направо узенькая ниточка неожиданно оборвалась. Налево путь был неизвестен. Мазин подумал и вернулся обратно.

— Застрял, — сознался он, отвечая на вопросительный взгляд учителя.

— Трубочёв, подсказки ему, — сказал учитель.

Трубочёв взял у Мазина указку.

— Можно через Сухону к Рыбинску, — сказал он.

Когда Мазин с помощью Трубочёва добрался до Москвы, Сергей Николаевич посадил всех троих на место и сказал:

— Трубочёв справился с трудным путём, Зорина тоже не сплосовала, а вот Мазин — пока что плохой путешественник. Москва, пожалуй, не скоро получит от него рыбу.

Ребята засмеялись. Но Сергей Николаевич стал серьёзным:

— Тебе, Мазин, нужно немножко подучиться...

Мазин почесал затылок:

— Я много пропустил... Если бы вот с ним подогнать, — он кивнул в сторону Трубочёва.

— Трубочёв, помоги товарищу, — сказал Сергей Николаевич.

— Есть! — радостно отозвался Трубочёв и оглянулся на Мазина.

По одному взгляду его Мазин понял, что занятия будут серьёзные.

«Пожалуй, я с ним не только в Москву, а в Атлантический океан заеду», — со вздохом подумал он. И не ошибся.

Сразу же на перемене Васёк с решительным видом подошёл к нему:

— Выбрай: я к тебе или ты ко мне?

— Я к тебе, — уныло сказал Мазин.

— Ну, — сказал Русаков товарищу, — не хотел бы я быть на твоём месте. С Трубочёвым дело иметь — захотку наживёшь. По всем горам будешь лазить, во всех реках испулаешься, — печально состриал он.

— Зато в классе не утону, — огрызнулся Мазин.

После обеда он направился к Трубочёву.

Васёк уже ждал его с нетерпением, поглядывая на дверь.

— Ну и обедаешь ты! Целую корову можно было съесть за это время! — встретил он товарища.

Мазин увидел карту, разложенную на полу, и почесал затылок:

— Эх, жизнь!

Васёк вытаскил учебник географии:

— Говори честно, что знаешь и чего не знаешь,

Мазин скосил глаза на учебник:

— Ничего не знаю.

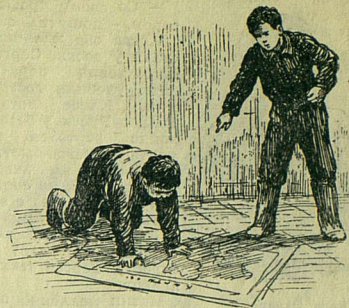
— Совсем ничего?

— Совсем ничего.

— Ладно, — сказал Васёк, — начнём с первой странички.

— Я способный, — утешил его Мазин. — Давай, показывай.

Мальчики приступили к занятиям. Тётка два раза заглядывала в комнату, на дыпочках проходила мимо двух склонённых над картой голов и, когда Мазин ушёл, сказала Васюку.

Мальчики приступили к занятиям.

— Это что ж ты на этого толстого здоровьё своё тратишь? Два часа на коленках лазил, небось, и штаны протёр. Кто это велел тебе?

— Учитель велел. Да он способный, ничего, — ответил Васёк, собирая на завтра книги.

СО СВОИМ ПРОФЕССОРОМ

С утра гуляла по городу метель. Был конец марта. Этот сердитый месяц яростно напал на прохожих, забывая снегом меховые воротники и шапки. Ветер был резкий, и, хотя мороза не было, ребята прибегали в школу замёрзшими.

Грозный, весь засыпанный снегом, в широком тулупе и меховой шапке, как дед Мороз, стоял на крыльце и, размахивая платяной щёткой, командовал:

— Наклоняй голову! Давай воротник! Эх, зима на тебя наслала! Ну, беги, грейся!

В этот день последним уроком была география. На большой перемене Трубочёв подошёл к Мазину и сказал:

— Если вызовет тебя, — не трусь. Что не знаешь, говори прямо: не знаю.

Сергей Николаевич пришёл весёлым, потёр руки и сказал:

— Весной пахнет! Сердится старушка-зима! Проходит её время! Конец марта!

В классе было чисто, уютно и тепло. Дежурные Одинцов и Степанова старались вволю. Они пришли в школу раньше всех, облизали все углы, вытерли пыль. Валя Степанова принесла из дому чистую выглаженную тряпочку для доски. А когда Одинцов ловко и красиво развернул перед учителем карту, Сергей Николаевич пошутил:

— Совсем как в сказке цветистый ковёр раскинул!

Когда Одинцов сел, учитель посмотрел в записную книжку и вдруг сказал:

— Мазин и Трубочёв.

Трубочёв вспыхнул и встал. Мазин сидел впереди. Он неловко вылез из-за парты, одёрнул курточку и, обернувшись к Трубочёву, сказал:

— Пошли!

Ребята фыркнули. Сергей Николаевич улыбнулся.

Коля Одинцов.

— Со своим профессором, — пошутил он.

Когда оба мальчика стали у доски, Сергей Николаевич перелистал учебник географии. Класс затих. Только Русаков беспокойно вертелся на парте, быстро-быстро обкусывая на левой руке ногти и не сводя испуганных глаз с товарища.

— Ну, Мазин, как теперь твои дела? — спросил Сергей Николаевич.

Мазин медленно повернулся к Трубочёву:

— Как мои дела?

Ребята снова засмеялись. Сергей Николаевич покачал головой:

— Я не Трубочёва спрашиваю. Ты мне сам отвечай, как ты чувствуешь: прибавилось у тебя знаний или нет?

Мазин пристально посмотрел на карту:

— Прибавилось.

— Выберешься ты теперь с Белого моря без посторонней помощи?

— Выберусь.

— Хорошо. А если мы тебя, скажем, из Ленинграда в Белое море пошлём?

— Поеду, — сказал Мазин и взял указку. — По Беломорско-Балтийскому каналу поеду.

Он проехал по каналу и остановился в Архангельске.

— Есть. Пять суток потратил.

— Немного, — сказал Сергей Николаевич. — А если б не было Беломорско-Балтийского канала, как бы ты поехал?

Мазин показал длинный путь вокруг северных берегов Европы и тогда уточнил время:

— Семнадцать суток потратил.

— Хорошо, Мазин! Я вижу, что ты действительно окреп. Ну, расскажи нам всё, что ты знаешь о Беломорско-Балтийском канале, а если ты ошибёшься, то Трубочёв поправит!

Мазин ровным и бесстрастным голосом начал рассказывать:

— Беломорско-Балтийский канал имени Сталина тянется на триста километров...

— На двести, — поправил его Трубочёв.

Он стоял выпрямившись, под рывком завитком лоб его стал влажным, глаза блестели.

— На двести километров, — спокойно поправился Мазин и взял указку. — Канал соединяет Онежское озеро с Белым морем...

Мазин обращался с картой вежливо и осторожно.

Ребята, облокотившись на парты, внимательно следили за указкой,двигающейся вдоль канала. Петя Русаков вертелся, нервно

потирал руки и обводил всех торжествующим взглядом. «Ну, как Мазин? Вот вам и Мазин!» — говорили его взволнованные глаза.

— Хорошо, Мазин! Пожалуй, тебе и Трубочёв не нужен, а? — сказал Сергей Николаевич.

— Нет. Пусть стоит. Я к нему привык, — заявил Мазин.

— Отвыкай. Трубочёв всю жизнь не будет стоять с тобой рядом. Трубочёв, садись!

— Пусть стоит! — тревожно выкрикнул Русаков.

Все головы повернулись к нему, он смутился и юркнул под парту.

Отпуская Мазина, Сергей Николаевич хлопал его по плечу и сказал:

— Совсем хорошо, Мазин! Я очень рад за тебя! Я вижу, ты поймал быка за рога! Смотри, не упускай его больше! А Трубочёву скажи: спасибо!

— Трубочёв!

Васёк вскочил. Учитель посмотрел на его взволнованное лицо:

— Молодец!

Когда Сергей Николаевич вышел, в классе поднялся шум: Русаков бросился к Мазину и обнял его:

— Здорово, Колька!

Ребята тоже радовались:

— Вот так жирняк!

— Повездо тебе!

Толстые щёки Мазина лоснились и набегали на нижние веки, щёлочки карих глаз лениво и ласково глядели на ребят.

Саша и Одинцов поздравляли Трубочёва:

— Здорово подогнал его! А я боялся, у меня прямо в ушах зазвенело, когда Сергей Николаевич вас обоих вызвал, — сказал Саша.

— А Русаков-то? Вот кто вертелся, как карась на сковороде!

— Верный товарищ! Преданный! — восхищённо сказал Саша. — Такой — на всю жизнь!

— А мы трое? Не на всю жизнь? — ревниво спросил Одинцов.

— Я за нас троих головой ручаюсь! — горячо сказал Васёк. — Я тебя, Саша, и Одинцова больше всех люблю... Кроме отца, — поспешно добавил он и покраснел от непривычного признания.

— Я тоже, — тихо сказал Одинцов.

— А обо мне и говорить нечего, — радостно улыбаясь, сказал Саша. — Я дружбу выше всего ставлю!

Все трое вошли в класс растроганные и счастливые. После уроков Васёк бежал домой, размахивая сумкой. «Молодец! Молодец!» — повторял он про себя.

Во дворе для охлаждения он бросился в сугроб и, вывалявшись в снегу, предстал перед тёткой:

— Тётя Дуня? Я молодец!

— Вижу, — сказала тётка и, повернув его обратно, сунула ему руку:

— Обчистишь в сенях, молодец!

Вы прочитали здесь, ребята, несколько глав из новой повести В. Осеевой «Васёк Трубочёв и его товарищи». Это повесть о жизни одного пионерского отряда, о школе, о дружбе, о ссорах и о мире, о том, как живут ребята дома. Действие происходит зимой 1941 года в маленьком подмосковном городке. Когда вы прочтаете эту повесть, вам, наверно, захочется узнать, что же было с ребятами дальше. О том, как Васёк и его товарищи жили в годы войны, как крепла в это трудное время их пионерская дружба, будет рассказано в следующей книге. В. А. Осеева сейчас над ней работает.

ВАШ БОЛЬШОЙ ДРУГ

Вера Смирнова

Много разных книжек: сказок, песен, баллад, загадок и всяких смешных и весёлых историй написал для детей Самуил Яковлевич Маршак. Больше двадцати пяти лет он работает в советской литературе для детей, и уже несколько поколений читателей, живущих во всех шестнадцати республиках Советского Союза, могут сказать, что они росли с книгами Маршака в руках. Трудно найти советского школьника, который не знает стихов Маршака.

Вышло в свет около 20 миллионов его книг. Стихи Маршака переведены на языки народов Советского Союза и на языки народов других стран. Советское правительство наградило его орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени и орденом Трудового Красного Знамени и дважды отмечало его произведения высшей наградой — Сталинской премией.

В этом году Самуилу Яковлевичу Маршаку исполнилось шестьдесят лет.

Будущий поэт пленялся книгами с раннего детства. Он рано начал писать стихи. Одиннадцать — двенадцати лет он уже увлекался античной литературой и переводил оды Горация.

Самуил Яковлевич Маршак.

Ещё мальчиком Маршак познакомился с Горьким, и эта встреча имела для поэта огромное значение.

Во время первой мировой войны, работая в организациях, помогавших беженцам, Маршак должен был заботиться о судьбе детей-беженцев. Впервые жизнь привела его к детям, к детям обездоленным и заброшенным, заставила почувствовать ответственность за них и серьёзно задуматься над вопросами воспитания. Это определило его путь: он начал писать для детей. В первые годы революции он стал одним из организаторов новой, советской литературы для детей.

Поселившись в Петрограде, Маршак с увлечением отдался работе над детской книгой: редактировал журнал «Новый Робинзон», собирал вокруг него детских писателей, привлекал художников и сам писал свои первые стихотворные книжки для малышей: «Дом, который построил Джек», «Детки в клетке», «Пожар», «Сказку о глупом мышонке»; стихи про «Багаж», про «Расеянного с улицы Бассейной», «Цирк», «Почту» и стихи о том новом, что входило в жизнь с революцией: «Вчера и сегодня», «Отряд», «Война с Днепром» и другие.

Горький узнал о работе Маршака в детской литературе и живо заинтересовался ею, и вот они снова встретились через много лет, сначала в Италии, потом в Москве — единомышленники в вопросах воспитания и в вопросах создания художественной книги для советских ребят.

Горький очень любил детей. Смолodu он любил собирать около себя шумную ватагу ребят, играть с ними, бродить с ними, разговаривать, а иногда и отправляться с ними в настоящие путешествия. Об этом есть даже книги: прочтите книгу Сергея Григорьева «Кругосветка».

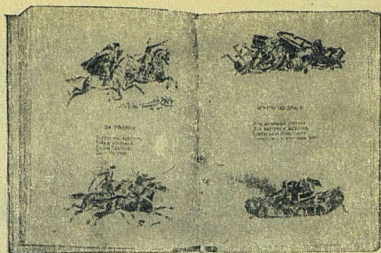
Горький по опыту своего детства знал, как трудно жилось на свете маленьким людям в старые времена. И в жизни и в книгах своих великий писатель постоянно помнил о них, мечтал о счастливом детстве для них, о разумной, здоровой и счастливой жизни. Он сам составлял планы издания научно-популярных детских книг, давал интересные темы писателям, советовался с учёными и с «бывальными» людьми о том, как увлекательнее рассказать детям о Земле и народах, живущих на ней. Маршак был ближайшим помощником Горького в этом деле. На 1-м съезде советских писателей, где Горький делал доклад о советской литературе, Маршаку было поручено рассказать о нашей литературе для детей.

Но Маршак известен в Советской стране не одним только маленьким читателям.

В годы Великой Отечественной войны, когда фашисты нанесли коварный и страшный удар Советской стране, Маршак нашёл острое и меткое оружие против врага — сатиру.

Ещё и раньше Маршак писал сатирические стихи: кто не помнит рассказа о том, как «мистер Твистер, бывший министр, владеец заводов, газет, пароходов», приехал туристом в СССР, не пожелал поселиться в гостинице рядом с негром и остался без ночлега со своей супругой и дочкой «с марышкой в руках» и со всеми своими двадцатью четырьмя чedomанами. Широко известна также политическая сатира Маршака «Акула, гiena и волк», где высмеиваются захватнические мечты империалистических хищников. «Сожру половину Кита я (читаю: Китая) — и буду, наверно, сыта я», — говорит о себе Акула (Япония).

С первых дней войны Маршак вместе с художниками Кукрыниксами работал в «Окнах ТАСС»

и в «Правде» как сатирик, злыми эпиграммами, ядовитыми пародиями разил врага, острой шуткой, злой насмешкой над врагом подымал боевой дух наших бойцов, пробуждал уверенность в нашей силе, веру в победу. Три сатирических книги: «Урок истории», «Чёрным по белому» и «Бапут» — созданы Маршаком и Кукрыниксами за годы войны.

Но удивительное дело: беспощадный и злой сатирик уживается в Маршаке рядом с весёлым и добрым сказочником. Сказочником пришёл Маршак в театр. Все его пьесы написаны по мотивам народных сказок. Поэт словно переводил старые народные сказки на язык театра и по-новому расфигуровывал их. Известную русскую сказку «Теремок» он очень остроумно пересказал по-новому, **как политическую сказочку.**

В драматической сказке «Двенадцать месяцев» Маршак по-новому рассказывает историю бедной сироты, гонимой мачехой.

Все двенадцать месяцев «знают в лицо» падчерицу, потому что она работает зимой и летом, весной и осенью, не боится ни жары, ни холода.

Весёлое трудолюбие, смелость и стойкость покоряют время — и вот чудо: в январе приходит весна и расцветают подснежники.

— Две дороги есть в жизни, — говорит поэт этой сказкой. — Одна ведёт «к будущим дням», другая — «никуда». Надо уметь выбрать верную дорогу, чтобы в жизни были смысл и цель.

В послевоенные годы Маршак написал много новых стихов. Вместе с художником В. Лебедевым он создал чудесную «Разноцветную книгу». В ней шесть стихотворений и шесть страниц рисунков — и все они разного цвета. Зелёная — луг с цветами и бабочками, жёлтая — песчаная степь с верблюдами, синяя — море с плывущими в дальние страны кораблями, белая страница — зима, красная — Октябрьский праздник, чёрная — звёздная ночь над Москвой. Так, рассказывая о шести основных цветах в природе и в жизни, поэт расцветил мир, показал его богатство и разнообра-

ние, научил любить его, любить свою большую и прекрасную страну.

В «Балладе о двух островах» поэт рассказал о подвиге советского врача, перелетевшего огромные полярные равнины и спустившегося с парашютом на пустынный островок в океане, чтоб спасти зрение советскому полярнику.

К 30-летию Октября Маршак написал «Разговор в парадном подъезде» — быть-небылицу, где показывает, как революция и советская власть неузнаваемо изменили всю нашу жизнь, облик городов, домов, людей, отношение к вещам и взаимоотношения между людьми.

Советские дети растут следопытами, они свободно и уверенно ищут дорог в будущее. Но им надо знать прошлое, чтоб оценить настоящее, чтоб гордиться своей Родиной, самой передовой страной мира, чтоб знать хорошо, за что и с чем нам предстоит бороться. В энергич-

ных, мужественных стихах Маршак даёт вам, ребята, простой и ясный рассказ о коммунизме.

Маршак очень хорошо знает, что книга — тот первый корабль, на котором в детстве мы выплываем в широкую жизнь.

Очень важно, на всю жизнь важно: кем и как оснащено это первое наше плавание, куда и зачем введёт нас книга, о чём беседует с нами наедине. Прочитанное в детстве запоминается крепко, оставляет след на всю жизнь. Наш характер, привычки, наши надежды и идеалы складываются в детстве.

Вот почему наша страна заботится о том, чтоб у всех вас, школьников и пионеров и совсем маленьких детей, были хорошие книги. Вот почему мы уважаем и любим поэта, который дал советским детям столько хороших, умных, добрых, правдивых и поэтических книг.

ПОСАДКА ЛЕСА

С. Маршак.

Что мы сажаем,
Сажая леса?
Мачты и реи —
Держать паруса,

Рубку и палубу,
Рёбра и киль —
Странствовать
По морю
В бурю и штиль.

Что мы сажаем,
Сажая леса?
Радио-мачты —
Ловить голоса,

Стол, за которым
Ты будешь писать,
Ручку,
Линейку,

Пенал
И тетрадь.

Что мы сажаем,
Сажая леса?
Лёгкие крылья
Лететь в небеса,
Дом
И качели,
Челнок
И скамью,
И деревянную
Лошадь твою.

Что мы сажаем,
Сажая леса?
Чашу,
Где бродят
Барсук и лиса,

Чашу,
Где белка
Скрывает бельчат,
Чашу,
Где утром
Вороны
Кричат.

Что мы сажаем,
Сажая леса?
Лист, на который
Ложится роса,

Воздух
Для лёгких
И влагу
И тень, —
Вот что сажаем
В сегодняшний день!

Все вы, ребята, знаете о подвиге Героя Советского Союза Александра Чекалина. В дни Отечественной войны шестнадцатилетний комсомолец Шура Чекалин был смелым партизаном, отлично выполнявшим все приказы командования.

Болельщики вынудили Шуру однажды заочевать в своём родном селе, в то время оккупированном немцами. Ночью враги окружили дом, где спал большой Шура. Он защищался до последней возможности, но граната, брошенная им, не разорвалась, и он был взят в плен.

Страшные пытки не сломили духа Шуры Чекалина: он не выдал своих друзей-партизан. Немцы приговорили его к казни. Шуру казнили в городе Лихвине, возле школы, где он учился. Юноша, почти что мальчик, Шура Чекалин встретил смерть, как отважный боец-комсомолец. «Всех нас не перевешает!» — крикнул он в лицо своим палачам. И когда они надели ему петлю на шею, он громко запел «Интернационал». Пока не прервалось дыхание, Шура пел гимн большевистской партии.

Нам дорог каждый день короткой прекрасной жизни Шуры Чекалина. Нам хочется знать, как он рос, каким был в детстве, как учился, как играл, с кем дружил. Случай, о котором вы тут прочитаете, произошёл, когда Шура был подростком, когда ему было примерно столько же лет, сколько вам теперь. В ту пору Шура любил играть с младшими ребятами, друзьями его брата Вити. Вместе с ними он поклялся быть верным Родине и ничего не бояться.

К Л А Д

Ю. Новикова

Рис. В. Константинова

В тот день ребята достроили крепостной вал и собрались в просторной землянке, вырытой посреди крепости. Землянка получилась уютная: здесь славно пахло древесными корнями и сыростью и всё как будто располагало к игре. Но игра почему-то не клеилась. И все пятеро мальчиков выжидательно смотрели на Шуру: он один умел повернуть игру так, что от неё потом трудно было оторваться.

— Будем хранить у нас в крепости сокровище, — сказал Шура, и ребята насторожились, — будем защищать его от врагов.

— Закопаем твой ружьё? — неуверенно предложил Егор.

Тут все запротестовали. Ружьё у команданта крепости Шуры было настоящее, закапывать его просто глупо.

— Я знаю, — пропентал Лёвка, и зеленеватые глаза его расширились. — Я знаю: надо зарыть ключ.

— От бабкиной кладовки? — ядовито спросил Егор.

— Не от кладовки, Гоша. Пусть это будет волшебный ключ. От сказочного царства. Знаешь, такой, что стоит повернуть, — и увидишь всё, что было и что будет.

— Ты опять про то, чего не было и чего не будет. Это всё сказки, Лёва. Нужно, чтоб походило на правду, — Шура задумался. — Надо что-то другое, ребята.

Они вышли из землянки на крепостной двор и снова подлюбовались своей работой. Всё было готово к сражению в их маленькой крепости. У амбразуры, пробитой в стене, стоял пулемёт-тротчетка шпуриной конструкции. По широкой насыпи взад и вперёд шагал дозорный, Витя. За ним, позвякивая ошейником, трусил Тенор. Витя смотрел прямо перед собой, за узенькую речку Вырку, откуда, того и гляди, мог показаться «враг».

Шура тоже вскочил на крепостной вал и огляделся по сторонам. С вала открывался вид на село Песковацкое. На юру, высоко над оврагом, белел их дом. Солнце садилось, в овраге стужались тени. Шура не раз слышал от стариков, что в овраге «нечисто», что будто бы там по ночам кто-то стонет и плачет. Днём Шура не верил этому, но вечерами, как и все ребята, далеко обходил овраг. Днём в овраге не было ничего страшного. Густо зацвела ежевика, пахло разогретой травой, и было приятно посидеть возле невысокго заросшего холмика. Лёвка рассказывал, что под этим холмиком похоронен комиссар. Он полюбил здесь, отстреливаясь от целого отряда белых. И хотя Лёвка слыл фантазёром, этим его словам как-то верилось.

Дверь в доме наверху раскрылась резко и быстро, и шуринка мать, Надежда Самуиловна, сильным голосом позвала: «Шура! Витя! Ужинать!» Шура вздрогнул и пришёл в себя. И тут оказалось, что он придумал, какой клад надо закопать

в крепости. Он хотел было рассказать это Вите и обернулся к нему, но Витя вдруг подскочил, взмахнул руками и завопил отчаянным голосом:

— К оружию! Завырка!

Тенор ошетинился, залял. По дребезжащим доскам, пыля босыми пятками, на крепость мчался «вражеский отряд». Впереди, как всегда, бежал скуластый Яшка.

Шура ошупал деревянный пистолет за поясом и соскочил с вала.

Яшка что-то кричал, но те, кто знал обычный яшкин задор, понимали, что этот крик и вся атака не всерьёз, это скорее небольшая разведка, проверка беспособности новой крепости. И точно: после первого неудачного приступа «враг» отступил за Вырку. Защитники крепости посидели с четверть часа в ожидании новой атаки и, убедившись, что нынче завыркинцы больше не придут, пошли ужинать.

Ночью Надежда Самуиловна проснулась от шума под окном. Кто-то спрыгнул сверху, с сеновала, и, постояв немного, тихо зашуршал прошлогодней листвой.

— Кто там? — крикнула Чекалина.

За окном, видимо, думали: отвечать или нет. Наконец смущённый голос отозвался:

— Это я, мама.

— Куда ты, Шура?

— Не беспокойся, я скоро вернусь.

Мать не повторила вопроса, догадавшись, что тут какая-то новая затея. И она ещё долго лежала без сна и думала о своём старшем.

Кем будет он, когда вырастет? Какое будущее ни придумывала она для своего сына, всё казалось ей только отчасти подходящим. И уж совсем под утро она решила, что Шура будет инженером-строителем и строить он станет что-то особенное, красивое, значительное, такое, что требует неутомимого воображения и горячей души.

...Клад закопали наутро в уголке землянки. Он лежал в обыкновенной жестяной коробке из-под лаэдрины, но лица ребят были серьёзны, и они смотрели на своего начальника с таким уважением, что видно было: скажи он слово — и они тут же кинутся за этот клад в любое неравное сражение. Однако сражения в скором времени не предвиделось. Наступило перемирие. Перемирия

С вала открывался вид на село Песковадкое.

с «завыркой» случались и раньше, но это перемирие было особенно затяжным.

Причина его была неизвестна ребятам. Шура почему-то не хотелось рассказывать им, что он подружился с Яшей.

Они встретились на реке. Солнечная рябь змеилась по борту старой лодки. Шура сбросил рубашку и медленно вошёл в воду, вдыхая запах смолы и сырости. Прохлада защекотала ступни, пальчики, колёнами поползла вверх по ногам. Шура шагал неторопливо, сознательно оттягивая наслаждение погрузиться в воду. Он был уже по грудь, когда из-за моста, фырякая, выплыл Яшка. Его золотисто-коричневое тело, лоснясь на солнце, рывками выбрасывалось вперёд, кудлатые волосы были сейчас гладкими, а лицо удивительно милым и добрым.

Шура нырнул, проваливаясь в зелёную прохладную темноту, и выплыл неподалеку от Яши.

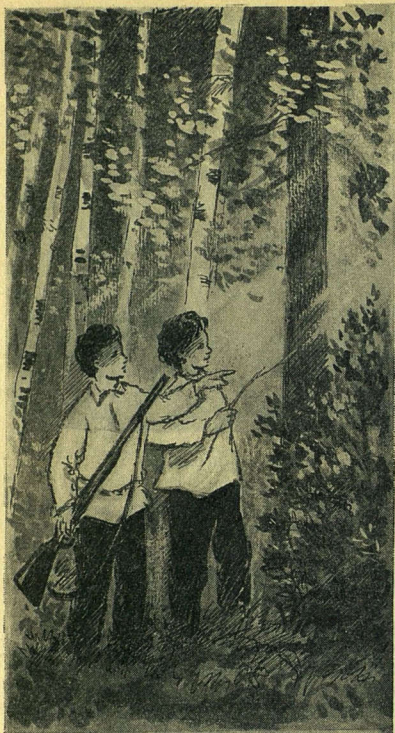
— А ты на спине мохень? — крикнул ему Яшка.

Он покачивался в воде, задрал к небу короткий коричневый нос. Мальчики показали друг другу нехитрое своё умение, хвастая без особого азарта. Выплыли одновременно и растянулись рядом на прибреже. Короткопалая яшкина рука лениво пересыпала песок.

— Чего ты с мальшашаи водиться? — внезапно спросил оп, приподнимаясь. — Ведь скучно?

— Совсем не скучно, — сказал Шура.

Он только сейчас, после яшинных слов, отдал себе отчёт, что и вправду чаще всего играет с младшими, с витымиыми сверстниками. Потому что ими легко командовать? Нет. Приятно, что у ре-

Приветли часто бродили по лесу.

бят разгораются глаза во время игры, что они живут игрой. Но объяснять всё это было слишком сложно и долго, и потому Шура попросту спросил Яшку:

— А ты с кем дружишь?

— Ни с кем, — ответил Яшка. — Они все трусы. Всего бояться. Волков бояться. Темноты бояться.

— А ты не боишься?

— Вот ещё! Черти, что ли, съедят?

Шура промолчал. Он тоже, конечно, не верит в чертей, но ведь было же ему страшно недавно ночью. Он припомнил ту ночь, как он спустился в сад, как его окликнула мать, как потом было страшно, хоть он и убеждал себя, что бояться нечего, всё — глупости. Он сделал то, что задумал, но чего уж тут врать: минутами ему было очень не по себе. И Яшка хвастает. Ему тоже

стало бы страшно, окажись он в тот час на том месте.

Поздней, узнав Яшку ближе, Шура понял, что Яшка, пожалуй, говорил правду. Яшка мог испугаться только того, что существовало на самом деле. Тайственности он не признавал.

Приветли часто бродили по лесу. В лесу Шура обучал Яшку стрельбе. Шура стрелял отлично: отец давно уже брал его с собой на охоту. Но не меньше охоты Шура любил самый лес: запах прелой листвы и хвои, глухие уголки, где звери и птицы, кажется, вот-вот заговорят человеческим голосом. Но говорить об этом Яшке было нелепо: он всё равно бы ничего не понял.

В лесу Шура иной раз останавливался перед диковинно растущим деревом, подбирал и прятал в сумку корешок причудливой формы. Яшка презрительно шурился:

— Всё играешься?

Шура пытался растолковать, что это не игра, и не мог: для Яшки имело значение лишь то, что немедленно можно было использовать.

И всё-таки Шуру тянуло к этому узкоглазому пареньку. Он не мог не любоваться Яшкой, когда тот с ловкостью белки лазил по деревьям. Стрелять Яшка выучился быстро и в меткости не уступал учителю.

Обычно, подходя к деревне, новые друзья расходились в разные стороны, но в тот день Яша решил проводить Шуру.

Они подошли к крепости. Несоразмерно большая луна стояла над деревьями, как на ладони были видны какая-то насыпь и рвы. Это Шура задумал проложить железнодорожные пути на территории крепости, и ребята с увлечением занимались строительством.

— Вот дорогу строим, — сказал Шура, внезапно застеснявшись перед Яшкой ребячливостью этой забавы.

Яшка осмотрел насыпь и похвалил работу.

— А это наша землянка. Хочешь зайти?

Они раздвинули ветки и спустились по ступенькам. Шура залёг спицку, засветив огарок, прилепленный к доске, — в землянке стало очень уютно. Яшка посидел на скамеечке, рассматривая коллекцию бабочек в коробочке, прибитой к стене.

Шура немного опасался, что Яшка не поймёт прелести землянки, боялся насмешливых яшкных слов. Но Яшке землянка понравилась. Он прошёлся из угла в угол, пощупал стены и сказал:

— Хорошо здесь у вас!

Он сказал это почти грустным голосом. Жёлтое пламя свечи освещало его смуглое лицо. Сейчас оно было таким, каким нравилось Шуру, — мягким и милым. И Шуру вдур захотелось чем-нибудь обрадовать товарища.

— Дай слово, — шепнул он Яшке, — дай честное слово, что ты никому не скажешь.

Яшка кивнул головой и сказал:

— Даю честное слово.

Тогда Шура показав глазами на колышек в углу и объяснил, что здесь лежит клад. Какой? Он сейчас не может сказать, но клад самый настоящий. Яшка выслушал друга с несвойственным ему почтением.

...Шура был вместе с отцом на пчельнике, когда туда прибежал Витя, и лицо у него было такое, как будто его только что ужалила пчела.

— Идём, Шурка, — только и смог выговорить он, — идём, идём!

Они побежали к крепости, и по дороге Витя, глотая слёзы, рассказал, что в землянку пробрался какой-то злодей и... Витя никогда не был искусным рассказчиком, а тут от волнения и вовсе не мог говорить.

В землянке Шура всё увидел своими глазами. Под в углу был разрыт, колышек отброшен, жестяная коробка валялась тут же вся измятая: кто-то, видимо, топтал её в ярости ногами. Коробка была раскрыта и почти что пуста. Только в одном из углов её уцелело немного чёрной земли. От возмущения у Шуры перехватило горло. Это уже была не игра.

В тот же день ребята двинулись на «завырку». Они строем перешли деревянный мост, и Шура затрубил в боевой рог. Завыркинцы, выбегая из домов и подворотен, строились в ряды. Впереди, бледный и злой, стоял Яшка.

Военачальники молча глядели друг на друга. Шура смотрел на Яшку. Это был тот самый Яшка, который ещё вчера, сидя в землянке, грустно сказал: «Хорошо здесь у вас!» — и который тотчас же вслед за тем надругался над их кладом.

— Как ты мог? — спросил Шура. — Ты же слово дал?!

Яшка шаннул вперёд, скал кулаки.

— Вот ты как! — крикнул он, и Шура услышал, что в яшкенином голосе клокочет обида. — Ты что, посмеяться надо мной захотел?! «Клад», — говорит. А там земля какая-то...

И вдруг Шуре стало ясно, что произошла ошибка. Яшка не хотел надругаться над их кладом, не хотел даже похитить его. Он просто полюбопытствовал взглянуть, что там лежит, а когда раскрыл коробку, то подумал, что его обманули...

— Яша! — крикнул Шура, хватая Яшку за плечи. — Ты же просто ничего не понял...

И, торопясь, захлёбываясь, боясь, что Яшка

опять не поймёт, Шура стал объяснять ему, что там, в коробке, лежала не какая-то земля, а земля с могилы человека, не знавшего страха. Что человек этот, большевик, комиссар, до последней минуты боролся с врагами. Что он, Шура, нарочно ночью лазил за этой землёй в овраг, хотя ему было очень страшно. И что все они хотели поклясться над этой землёй быть такими же смелыми и верными Родине...

— Да зачем я тебе говорю? Ты всё равно ничего не поймёшь! — крикнул он с отчаянием.

Но Яшка высвободил свои плечи из шурных рук и сказал:

— Хочешь? Хочешь, я нынче же ночью полезу в овраг и принесу другой земли?

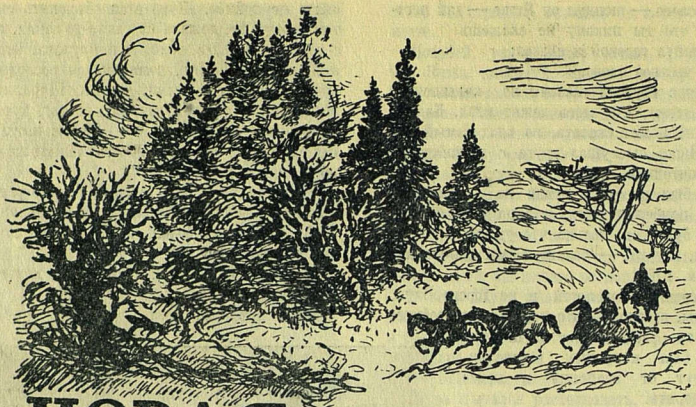
Тогда заговорил Лёва.

В тот же день ребята двинулись на «завырку».

— Нам не нужно другой земли, — сказал он. — Нам не нужно ничего из рук человека, который нарушил слово. Там, в коробке, осталось ещё немного земли, которую принёс нам Шура. Мы её слова зароем.

И они сделали так, как сказал Лёва. Они снова зарыли коробку с горсточкой этой земли и произнесли над ней клятву. Над землёй, впитавшей кровь бесстрашного большевика, поклялись они служить Родине и ничего не бояться. В этом поклялись Егор, Лёва, Серёжа, Илья, Витя — все ребята. В этом поклялся Шура Чекалини. И если бы вправду был у Лёвы тот самый волшебный ключ, о котором он мечтал, и он приоткрыл бы этим ключом дверь в будущее, — все увидели бы, как сдержал своё слово юноша-комсомолец Александр Чекалини. Как неутомимо ходил он по лесу партизанскими тропками, как воевал с немцами, как, измученный пытками, ни словом не выдал своих товарищей и перед лицом смерти, преодолев боль и страх, с петлёй на шее, пел торжественный гимн про свой отважный, последний, решительный бой.

НОВАЯ КАРТА НЕДР

Н. Н. Михайлов

Рис. Ф. Лемкуля

на Невском в Петербурге облицовывали песчаником с Рейна, Театральную площадь в Москве мостили брусчаткой из Швеции.

Тридцать лет прошло с тех пор, как хозяином страны и её недр стал народ.

Чтобы новой, быстрорастущей советской индустрии хватало сырья, нужно было в кратчайший срок расширить уже известные месторождения и открыть десятки, сотни новых.

Это было нелёгким делом. На первых порах иной раз приходилось сначала чертить простую топографическую карту. Нужно было прокладывать дороги и тропы, чтобы забросить в горную долину, в таёжное урочище, в болотистую тундру громоздкие буровые станки.

А рудные заводы вырастали в обжитых местах и, чтобы не привозить к ним сырьё издалека, нужно было во что бы то ни стало найти его там, где, казалось, всё уже давно изучено, выработано.

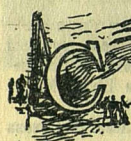
Новые заводы должны были дать стране всё, что ей нужно, и геологическая разведка обязана была дать этим разнообразнейшим заводам всё — от угля и железной руды до редчайших элементов.

Да и самих разведчиков надо было создать, воспитать. Требовались тысячи знающих инженеров-геологов, а в России до революции их было совсем мало.

Нет другой страны, где геологические структуры были бы так разнообразны. Могучие силы природы разметали по лицу нашей страны, шестой части мира, хребты и нагорья, высокие плато и низменные равнины и насытили их ценнейшим рудным и нерудным сырьём.

Природа — суровая для слабых и увлекательная-прекрасная для смелых, скудная для равно-

Поиски

советской власти исполнилось тридцать лет. Что могло измениться в недрах страны за эти тридцать лет? Прибавилось торфа в болотах; здесь просочились, там иссякли ключи; где-нибудь в пещере сосульки сталактита и сталагмита срослись в единую колонну... На образование пластов угля или рудных жил потребны миллионы лет. Тут ничего не могло измениться за такой короткий срок.

А сравните прежнюю и нынешнюю карту месторождений полезных ископаемых. Сколько новых точек легко на бумагу!

Не минералами была бедна царская Россия, а зная их. Девять десятых страны не было нанесено на геологическую карту — это похоже на неоткрытый материк. По отношению к известным мировым запасам полезных ископаемых разведанные в России запасы железной руды и фосфоритов составляли всего один процент, запасы угля — три процента, совсем не было разведанных залежей шкеля, калия, бора, серы, бокситов. Фасады

душных и несказанно щедрая для пытливых и настойчивых — была за советских разведчиков. С невиданным размахом, целеустремлённо и планомерно изучают они недра Советской страны.

Что же было найдено за тридцать лет?

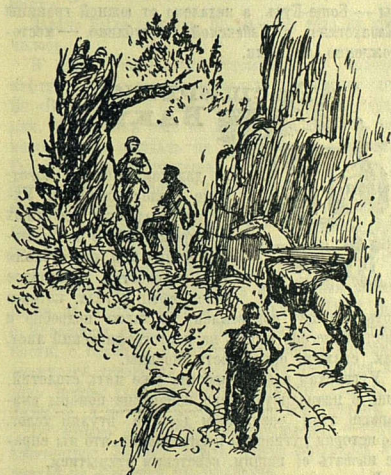
Находки

осфаты — сырьё для удобрений — Россия покупала в Марокко. Заморские удобрения были по средствам только кулакам и помещикам.

Отряды советских геологов, возглавленные академиком Ферсманом, нашли в Хибинах, на Кольском полуострове, горы зеленоватого рассыпчатого апатита, минерала, содержащего окись фосфора; из него с помощью серной кислоты изготавливается суперфосфат. Это крупнейшие апатитовые залежи в мире.

Лысые, лобастые горы над топкими болотами и взъерошенной тайгой. Короткое сырое лето. Долгая морозная зима с темной полярной ночью, с ураганами, с непроходимыми снежными завалами. Ни дорог, ни селений, ни географических карт. И всё это было побеждено. Люди взбирались на кручи, преодолевали перевалы, спускались на верёвках с обрывов.

В апатитовую руду вкраплен серыми прожил-

...Люди взбирались на кручи, преодолевали перевалы, спускались на верёвках с обрывов.

ками и пятнами нефелина. Это — сырьё для алюминия, стекла, эмали, красок. Обнаружены месторождения и других ценнейших минералов. На небольшой сравнительно площади здесь выявлено 58 элементов менделеевской таблицы!

А через несколько лет был открыт второй необычайной мощности массив фосфора в другом конце страны, в Южном Казахстане — в горах Кара-Тау.

Первое место в мире по запасам фосфорного сырья прочно закреплено за нашей страной.

Занято первое место и по запасам калийных солей.

Калийные удобрения Россия привозила из Германии. А оказалось, что у нас калия в несколько раз больше, чем во всех других странах, вместе взятых. Особенно много нашли его на Северном Урале. Соликамское месторождение этого ценного розовато-белого минерала — по мощности единственное в мире.

Закреплено второе место в мире по запасам каменного угля. А если считать не по количеству тонн, а по общей калорийности, по теплотворной способности, — то не второе, а первое место. Много разведано новых угольных месторождений во всех концах страны. Среди этих находок — Печорский угольный бассейн у Полярного круга. Крупнейшие залежи углей, годных и на кокс и на топливо.

Люди в накомарниках, в сапогах выше колен проникали в тундру по рекам на шняках — то оттапливаясь шестом, то таща лодку бечевой. Зимую шли против кивчалной пурги, когда даже северный олень ложится и зарывается в снег.

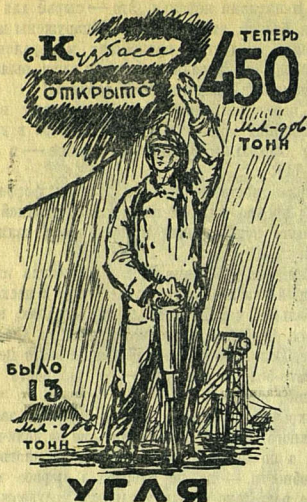
Советские геологи открыли запово сотни богатейших месторождений, известных раньше.

Донбасс, Караганда и Кузбасс были известны давно.

Обжитый, освоенный, оплетённый дорогами Донецкий бассейн казался полностью изученным. Но советские геологи увеличили известные запасы Донбасса в полтора с лишним раза. А сейчас они расширяют границы этого бассейна на северо-запад к Лозовой и на юго-восток к Дону, к Сальским степям.

Запасы Донбасса увеличились в полтора раза, а Кузбасса — в тридцать пять раз. Было 13 миллиардов тонн, стало 450. Спрашивается, когда же по-настоящему была открыта эта угольная база?

То же самое и с Карагадой. Сто лет назад наступ-казах нашёл в пустынной полярной степи чёрные камни, которые хорошо горели. Бай — хозяин всей этой степи — десять вёрст на десять вёрст — продал её екатеринбургскому купцу за 225 рублей. Потом она перешла в собственность к французам, от французам — к англичанам. В шахтёнках, а чаще просто в ямах добывался уголь для плавильных печей небольшого Спасско-

го завода. Советские учёные разведали на месте этих ям одно из крупнейших месторождений угля в стране. Найдено полсотни угольных пластов, толщиной до пяти метров. Это и есть Караганда — наша третья угольная база, открытая советскими геологами заново.

По старым следам

тех местах, где сейчас расположен Казахстан, давно, в пору молодости Земли, могучие подземные силы взломали и смяли земную кору. Она вдыбалась высокими горными складками, — как бы морщины пробежали по лицу Земли. Разломились пласты, и под страшным напором вулканических сил хлынули из глубин расплавленные кипящие массы. Поднимаясь вверх в более холодные слои, раскалённая масса остывала, каменела, превращаясь в твёрдый гранит. Её пары, охлаждаясь, то здесь, то там выделяли густые тяжёлые металлы. Сначала, ещё при очень высокой температуре, выпадали олово, вольфрам и молибден, затем медь, свинец и цинк и, уже при сравнительно низкой температуре, — сурьма и ртуть.

Проходили сотни миллионов лет. Землю зали-

вали моря. Потом моря высохли, оставив после себя богатые залежи солей. Отлагались пласты каменного угля и нефти. Вода и солнце, мороз и ветер мало-помалу разрушали высокие горы, они превращались в мелкие сопки, почти в равнину.

Время обнажило скрытые в её недрах ценные руды. Они как бы поднялись к поверхности Земли.

Сотни и сотни веков природа, сглаживая горы, приближала к человеку ценные недра Казахстана, но человек мог лишь прикоснуться к ним. Ещё в бронзовый век варварским кайлом высекали люди руду олова и меди, плавил на огнищах, по крупице собирали металл для ножей, наконечников стрел, украшений. Бронза расходилась отсюда по всему тогдашнему миру.

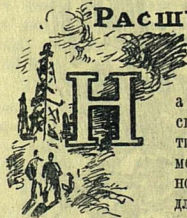
Но дореволюционный Казахстан не знал ни одного промышленного месторождения олова. Медь в Казахстане добывалась в ничтожных количествах. За одну треть века советские геологи изучили и вскрыли недра Казахстана. Они нашли и изучили там огромные запасы меди и олова.

На пустынном берегу Балхаша геолог Русаков открыл месторождение Коунрад. На небольшом участке — меньше квадратного километра — сосредоточены огромные залежи меди.

Недалеко от красивых гор Улу-Тау, в Казахстане, учёный-казах, ныне академик Сатпаев, разведает удобное для разработки, неглубоко залегающее месторождение меди Джезказган. По запасам это месторождение — одно из самых крупных во всём мире.

На севере Казахстана, также в советское время, было открыто богатое месторождение медной руды — Боше-Куль, а недалеко от южной границы Казахстана, в Узбекской республике, — месторождение Алмалык.

Расширение Баку

а далёком Севере советские геологи изучили Ухтинскую группу нефтяных месторождений. В приполярной тайге они подготовили для разработки обширные поля нефти и газа, которое хоть и лежит под землёй, но также подробно и точно нанесено теперь на картографический лист, как, скажем, окрестности Москвы.

Ухтинская нефть известна уже пять столетий. Ещё в пятнадцатом веке печорские поморы смазывали этим «земляным дёгтем» втулки телег. Но история ухтинской нефти такова, что мы вправе назвать её нашим, советским открытием.

Вакские промыслы одно время давали половину мировой нефтедобычи, но настоящей геоло-

гической карты их не существовало до самой революции. В руках воротил и спекулянтов нефтяные участки были игральными картами... Сейчас почти девять десятых нефти в Баку добывается из пластов, открытых и изученных советскими геологами. Нефтяные месторождения первого Баку вышли далеко за пределы Баку: на запад — к Кировабаду, на юг — к устью Куры и на восток — в море.

Открыт новый богатейший нефтяной район — «Второе Баку», который по запасам начинает спорить с бакинскими залежами.

Бурлаки, тянувшие баржи по реке Белой, на привалах разводили костры, подбрасывая в огонь землю, пропитанную нефтью. Это было в Башкирии, за Стерлитамаком, около деревни Ишимбаево.

Замечательный русский нефтяник академик Губкин, сопоставив строение земной коры между Уралом и Волгой с другими нефтяными районами мира, доказал, что тут должна быть нефть.

Началась разведка. Нефть искали на огромном пространстве от Каменного пояса до великой русской реки: в Оренбургских степях, в Вятских лесах, в Жигулёвских оврагах.

В 1932 году ударила нефтяной фонтан на буровой возле того самого Ишимбаева, где бурлаки жгли костры. Сорокаметровая вышка была доверху забрызгана чёрной нефтью. Потом нефть была вскрыта в Краснокамске, в Туймазе, в Бугуруслане. А в 1937 году забили нефтяные фонтаны и на Волге — сначала у Сызрани, затем у Ставрополя и, наконец, у Саратова.

Родилась новая нефтяная страна — «Второе Баку».

Задача была решена. Но на этом дело не кончилось.

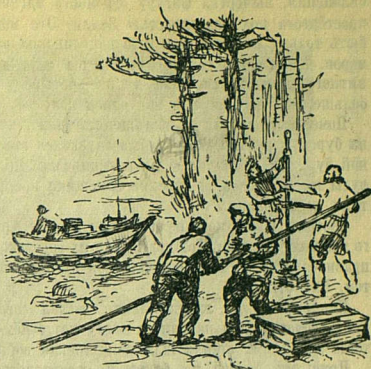
В Баку добывается сравнительно молодая нефть — возрастом в несколько миллионов лет. Во «Втором Баку» была найдена нефть более древняя. И всё-таки ещё не достаточно древняя, как можно было ожидать по заключению академика Губкина. Он рассчитывал найти здесь нефть в более древних, более глубоких — девонских — пластах, возраст которых исчисляются примерно в триста пятьдесят миллионов лет. Он заранее указал глубину залегания этих пластов.

Стали добираться до девона.

Разведки не прекращались и во время войны, когда на Волге шли бои. И только в 1944 году в Яблоновом овраге, на Жигулёвской возвышенности, с глубины в полтора километра фонтаном рванулась девонская нефть! Через несколько недель нефть дали глубокие девонские пласты в Туймазе. А потом в Северокамске и в Татарии.

От одного до другого месторождения — сотни километров. Значит, нефть девона разлилась под землёй на огромном пространстве.

Глубокие девонские слои гораздо богаче

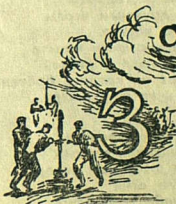
Нефть искали на огромном пространстве от Каменного пояса — Урала — до самой Волги.

нефтью, чем более близкие к поверхности. Вот когда «Второе Баку» раскрыло своё настоящее богатство!

Но и это не конец, а скорее начало. Новый нефтяной район непрерывно расширяется. Уже найдена нефть в Сибири, за Уральским хребтом. На юге «Второе Баку» смыкается с обширной, многообещающей нефтяной площадью Эмбы. По многим признакам можно ждать нефть и на запад от Волги. Она должна таяться в недрах Русской платформы. Может быть, даст нефть и Окско-Пинский вал к востоку от Москвы, может быть, тот подземный хребет, что погребён между Москвой и Ленинградом... Сейчас здесь геологи бурят скважины. Возможно, мы стоим накануне новых грандиозных открытий.

Вот как разматывается клубок, начало которого — яркий огонь костров на ночном привале давних бурлаков!

По запасам нефти нами прочно закреплено первое место в мире.

СИЛА МАГНИТА

закреплено первое место в мире и по запасам железной руды.

Задолго до революции было замечено, что в курских степях компас шалит: его стрелка отклоняется от направления с юга на север.

Один московский физик, отмечая магнитные

склонения, вычертил фигуру огромного магнита, простёртого под поверхностью Земли. Это могло быть только железорудное тело исполинских размеров. В окрестностях города Щигры сила магнитного притяжения была в три—четыре раза больше, чем на Северном магнитном полюсе!

Помещики, мечтая об обогащении, дали деньги на буровые работы. Чем глубже опускался стальной бур, тем всё сильнее намагничивался. Но до руды не добрались, и курские помещики прекратили ассигнования.

Чертежи магнитного поля попали в руки одного немецкого дельца. Тот предложил их советскому правительству за восемь миллионов рублей золота. Ему отказали.

Искать курское железо Ленин послал советских геологов. Они начали разведку под огнём — тогда в курских степях шла гражданская война.

Пришлось заново на больших пространствах измерять магнитное склонение, заново чертить карту рудного тела.

В четырёх километрах от Щигров, в точке магнитного максимума советские геологи заложили, наконец, первую буровую. Прошли сквозь пласты обильной подземной воды, пробившись сквозь твёр-

дый каменный свод. И, наконец, в апреле 1923 года на глубине 162 метра встретили кварциты, содержащие магнитный железняк.

Железной руды и железистых кварцитов в Курской магнитной аномалии было найдено столько, сколько их есть во всех остальных месторождениях земного шара, взятых вместе. Мировые запасы железных руд удвоились!

Так боролись советские люди. Они совершали открытия, изменившие мировую географию минерального сырья. Поставили нашу страну по богатствам недр на первое место среди всех стран земного шара.

Половина мировых запасов нефти. Половина запасов железной руды. Половина всего торфа. Подавляющая часть апатита и калия. Треть марганца. Огромные запасы цветных и редких металлов...

У нас не было многого — теперь у нас есть всё: сера и бор, никель и кобальт, и гелий... Товарищ Сталин сказал:

«С этой стороны, со стороны природных богатств, мы обеспечены полностью».

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Юрий Яковлев

Я завидовал ребятам,
Что они идут с отрядом,
Что на каждом красным галстуком
Зорькой утренней горит,
Что развёрнутое знамя
Полыхает над рядами,
Что играет горн, сверкая,
Барабан в пути гремит.

Я завидовал их сборам,
Задушевным разговорам
И весёлым дружным играм
У отрядного костра.
Мне хотелось с ними вместе
Уходить за город с песней,
Строить плот из крепких брёвен,
Чтоб уплыть на нём с утра...

Я мечтал стать пионером,
А вчера пришёл я первым
На весёлый школьный вечер.
Разноцветные огни
В тёмном небе зажигались,
И «Авроре» откликнулись
Говорком салютных пушек
Наши радостные дни.

Я большим, я взрослым буду,—
Никогда не позабуду:
Пионеры, пионеры
Заполняют школьный зал.
И на сцене я под флагом
Пионерскую присягу
Так, чтоб слышали все в зале,
Слово в слово прочитал.

И когда я смолк, то в зале
Вдруг фанфары заиграли.
И над нами зазвучала
Песня юности без слов.
— Будь готов! — сказал вожатый.
И в ответ всему отряду
Чётко, твёрдо, как военный,
Я сказал:

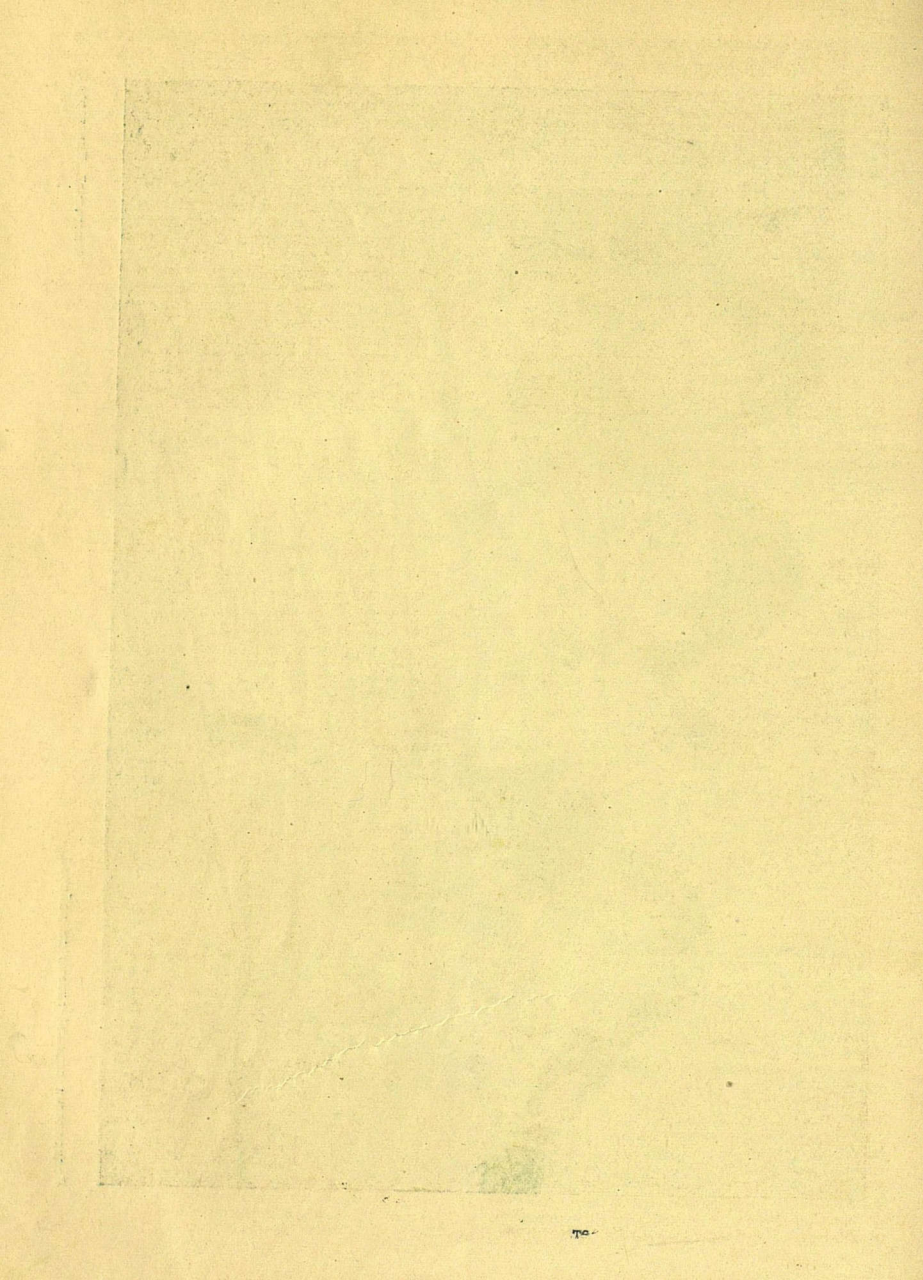
— Всегда готов!

Я завидовал ребятам,
Что они идут с отрядом.
А сегодня с ними вместе
Я иду в одном строю.
Знамя вьётся и алеет,
Стали улицы светлее —
Пионерский новый галстук
Украшает грудь мою.

Редколлегия стеной газеты за работой.

Александр Д. Пивоваров.

СВЕТ МОСКВЫ

Главы из повести

(Продолжение)

Лев Кассиль

Рис. В. Цельмера

ПОД ЗЛЫМИ ЗВЕЗДАМИ

В этот день мы работали дома: по заданию штаба противовоздушной обороны вычерчивали белой известью стрелки у надписей: «Бомбоубежище», «Песок», «Вода», «Ход в укрытие»...

Днём была короткая тревога. Мы сейчас же полезли на крышу.

Дома № 15 и № 17 были разделены толстой высокой стеной — брандмауэром, к которому с двух сторон словно присосли корпуса обоих зданий. Брандмауэр был официальной границей наших подблочных владений.

Всегда, когда я поднималась сюда и глядела сверху на замерший, как бы затаивший дыхание, изготовившийся к бою город, у меня холодело сердце, пересыхали губы — так страшно мне делалось за Москву.

Москва отсюда была очень хороша. В синеве Замоскворечья, ближе к югу, проступал сквозной, похожий на застывший смерч, силуэт радиобашни на Шаболовке. Между домами проблескивало зеркало Москвы-реки. С нашей крыши были видны две кремлёвские башни с контурами тёмных звёзд, притаивших теперь свой свет. И такая огромная, заполнив собой всё видимое пространство, весь круг земли, проложившая зелень парков и бульваров между кварталами, как перекалывают зелёным мхом ёлочные игрушки, лежала под нами Москва! Дым заводов стоял над далёким горизонтом. Ровный, слитный шум огромного города доносился на крышу. Трамваи и автомобили внизу были страшно маленькими, зато лепные фигуры у карниза на фронтоне нашего дома, всегда казавшиеся мне не больше настольной лампы, на самом деле оказались размером с целый буфет...

В десять часов вечера изо всех рупоров радио снова послышалось:

— Граждане, воздушная тревога!

Завыла, взбегая на высокие ноты, мягко скатываясь на нижний регистр и снова выходящая тон до визга, сирена на большом доме возле нас. Тотчас же откликнулись ещё две, обгоняя друг друга, то сходясь, то расходясь... Команда моя кинулась по местам. Мы уже привыкли слышать звуки тревоги и ждали, что скоро дадут отбой. Сирены замолкли. Наступила тишина. И вдруг радио опять загворило:

— Граждане, воздушная тревога!. Не скапливайтесь в подъездах домов, укрывайтесь немедленно в убежища. Работники милиции, обеспечьте немедленно полное укрытие населения в убежища!

И вдруг в окнах верхнего этажа большого дома на другой стороне улицы я увидела отражение каких-то маленьких пляшущих огней. В ту же минуту где-то далеко позади себя я расслышала частые, сухие звуки, как будто лопались резиновые пузыри. И внезапно вся Москва оцетинилась прожекторами. Светящиеся струи лучей ударили в небо, сходясь, пересекаясь, расходясь, как сходились, пересекались и расходились звуки сирен. Над окраинами Москвы запылали сотни вспыхивающих и гаснущих огоньков.

Потом в небе возник какой-то новый, чужеродный, всему посторонний, нудный и тошнотворный звук. И тотчас же оглушительно, часто и близко, несколько раз подряд, торопливо выпалили зенитки с соседней крыши, откуда теперь доносились слова команды: «По фашистским налётчикам, огонь!» С рычащим неистовством зачастил пулёмёт, четвёрённый, как мне пояснил

Игорь. И в небо, туда, откуда доносился слышимый, качающийся гуд, помчались, догоняя друг друга, красные терешки. Это был след трансирующих пуль. И там скрестились, яростно толча облака, сотни прожекторов. И казалось, вся Москва захрохотала выстрелами, гоня с неба невидимых летучих врагов. Всё стреляло вокруг. Метались прожектора. Небо безумствовало, шаталось, когда все прожектора склонялись то в одну, то в другую сторону, и рвалось на части, когда лучи пересекались в поисках. А город внизу был неподвижен — чёрная громада притаившейся темноты. Рядом с нами на крыше были дежурные дружинники нашего дома, комсомольцы. Вдруг кто-то сказал в темноте:

— Пионеров этих вниз надо. Кто допустит? Где комендант? Разве можно ребятам на крыше? А ну, ребята, живо, марш в укрытие!

— Ну что вы, дядя, мы же привыкли! Вот спросите нашу вожатую...

— Да и вожатую вашу не мешало бы вниз, — отвечал мужской голос.

Несколько осколков от зенитных снарядов с порхающим визгом пролетели над головами у нас и звонко цокнули о железную крышу.

— Кто здесь у вас вожатая? — закричал человек, вылезая из люка чердака; я узнала в нём главного коменданта наших корпусов. — Вы, Крупицына? А ну, сейчас же убирайте своих пионеров! Не ваше тут место!

Нелегко было уговорить ребят, чтобы они ушли вниз. Прежде всего их надо было разыскать на крыше. Они, услышав приказ коменданта, сразу все попрятались. Понемногу я их всех выловила и отправила вниз. Скоро снизу до меня донеслись голоса Галя и Людья: «Пожалуйста, граждане, не нарушайте... Укрывайтесь, пожалуйста. Проходите. Женщины и дети, вперёд... А мы дежурные, не волнуйтесь». Но, конечно, Игоря Малинина я не нашла. Только с другого конца крыши я иногда слышала его срывающийся басок:

— Ой вы, там, внизу, в шестнадцатой квартире, светины, затмевайтесь, вам говорят! У вас видно!..

Но когда я подбегала к этому краю крыши, Игорь уже там не было.

А потом вдруг стало недалеко совсем светло. Страшный, яркожёлтый, фосфорный и какой-то потугослоронный свет озарил сверху город. Стали ясно видны дома, улицы, и всё было оранжево-зелёным, словно видилось через цветное стекло. Это немцы бросили со своих самолётов светящиеся бомбы. Злые звёзды повисли над Москвой, обнажая город сверху мёртвым своим светом, срывая защитный покров темноты. По этим отвратительным светилам били зенитки, строчили пулемёты. Жёлтые звёзды медленно погасли. Тьма, ступившаяся теперь, показалась ещё более чёрной. Потом в небе раздался пронзительный взрывающий свист, всё громче и громче...

— Ложись! — закричал кто-то из темноты. Я кинулась плашмя на крышу. Последовала ослепительная вспышка, и какая-то сила, прогрохотав по железу кровли, как мне казалось, вымала меня в жисть.

— Через квартал от нас, — определил комендант.

Теперь то и дело слышался над нами повис свист бомб, ухали разрывы, мы видели яркие вспышки. А потом где-то за вокзалами и в стороне Красной Пресни стало медленно расползаться багровое зарево. Оно делалось всё больше и больше; загорелось ещё где-то на окраинах. Горизонт стал огненным. И, глядя на это, я почувствовала, как стучат у меня зубы. Я зажимала обеими руками рот, а зубы всё стучали. И ночь показалась сразу знобкой. И было не столько страшно, сколько нестерпимо обидно, что горят дома нашего города, что это сделал в нашем городе враг, что чужая злая воля вмешалась в наши ночи.

Москва горит... Меня всю трясло.

— Сбили, сбили, падает двухмоторный! — услышала я голос Игоря и посмотрела на небо.

Там три скрестившихся прожектора медленно сводили с небосклона к пылающему горизонту какую-то сверкающую точку, оставляющую длинный розоватый дым. Потом полетели какие-то огненные брызги, и с неба словно скатилась расплавленная красная капля. Земля ответила на падение вражеского самолёта негодующей вспышкой.

На все крихаты аплодировали и кричали «ура». Но в это время над нами совсем низко звывал воздух — и с неба посыпался огонь. Словно десятки факелов падали на нас, тыкаясь в крышу, тотчас загораясь, шипя и фыркая. Это немецкий бомбардировщик, пикируя, сбросил на нас зажигательные бомбы.

Ух, как кинулись мы все тушить эти бомбы! Как засыпали песком, топтали подошвами, хватая клещами, тащили топить в воде огненных гаденышей, пока они ещё не вырвались из своей алюминевой скорлупы! С одной бомбой я справилась самолично.

Несколько зажигало упало по ту сторону брандмауэра, на крышу соседнего дома, № 15. Мальчишки тушили их, гоняясь за теми, которые катились по склону крыши.

Вася Жмырев, в этот день снова появившийся на соседнем дворе, одним прыжком перемахнул через гребень стены и гнался теперь за зажигательной бомбой. Она упала на гребень нашей крыши, разломилась и медленно съезжала, пропала в восполнённый термитом железную кровлю. Однако Игорёк постел туда раньше, чем Жмырев. Он отпихивал плечом рослого Василия и сам шипел и фыркал, словно маленькая бомба:

— Пусти, Жмырь, пусти, говорю... Пошёл ты!.. Не твоё это бомба, не лезь... Что за привычка у тебя лезть, куда не просят! Чего ты на нашу крышу пришёл? Туши там, у себя...

И, оттирая в сторону Жмырева, Игорёк поддел бомбу на совок. Он бежал к чану с водой на чердаке, неся бомбу, как несут уголь из печки для самовара. Руки у него дрожали. Бомба выбрасывала фонтанчики огня, и несколько капель жидкого пламени попало Игорю на бровки — материя загорелась. Он, не обращая внимания, топил шипящую бомбу в воде.

— Штаны горят, ты, халдей! — закричал Жмырев и, подхватив маленького Игоря, сразмаха посадил его задом в чан с водой.

Тот вылез тотчас же, мокрый, разъярённый, полз с кулаками на рослого Жмырева:

Игорь бежал к чану с водой, неся бомбу, как несут уголь на печки для самовара.

— Ты что, на самом деле, Жмырь, просили тебя? Дурак...

Только тут он почувствовал, что со штанами у него действительно неладно, пощупал их сзади, заглянул себе за спину, выгнувшись, и сконфуженно замолчал.

— Ну, ладно, ладно, не фырчи, жареный халдей, — добродушно проговорил Жмырев и перемахнул через брандмауэр на свою крышу.

Защитники нашей крыши собрались вокруг Игоря, шумно отдуваясь после схватки с зажигательными бомбами. Кто осматривал прожжённую одежду, кто дул на руку.

Игорь сопел в стороне, недовольный. Поверение Жмырева заслонило его собственное геройство.

А я немного повеселела. Как-никак, это было наше первое боевое крещение, и мы не сплеховали. Тем, невидимым, летящим в тревожном небе Москвы, злобно целящим в нас, швыряющим на наши головы, на наши крыши огонь, всё-таки не удалось сжечь наш дом. Мы отстояли его.

Только когда в рупорах послышался желанный, отчётливый голос: «Угроза воздушного нападения миновала. Отбой», — я спустилась с крыши. И внизу вдруг почувствовала, как ужасно я устала за эту ночь. Из укрытый повалил народ. Все шумно переговаривались, делились своими переживаниями. Пионеры мои, внезапно загнанные в убежище, обступили меня, наперебой рассказывая, что они испытали там, внизу, когда земля тряслась над их головой. Какой-то старичок в ночной сорочке и войлочных туфлях показывал всем колючий, зазубренный осколок: «Так и звиркнула прямо в окошко, — гляжу, а он на подушку улёгся. Ещё горячий был...»

Поднялась из подвала мама, бледная, задышающаяся, кинулась ко мне, обхватила ладонями мою голову, стала целовать.

Так прошла первая боевая ночь Москвы. И хотя мы не выспались и некоторые были перепуганы, всё же везде в людях чувствовалось особое, новое и гордое упрямство. Мы попробовали себя в борьбе с огнём, Москва вошла в соприкосновение с врагом. Все чувствовали себя сегодня увереннее, чем вчера.

ИДЕТ ВОЙНА

А фронт всё приближался к нам. Из Москвы стали понемножку эвакуировать детей. Уезжали целые школы в специальных поездах. Я как-то, возвращаясь из-за города, с огорода, видела, как уходил такой поезд. Оттого, что ребят было много и они куда-то ехали, им было весело, они махали руками, пели: «Стань, казачка молодая, у пелатня, проводи меня до солнышка в поход...» Только матери на перроне стояли очень грустные и украдкой вытирали концами шалей и платков глаза.

«Идёт война народная, священная война!» — пело по утрам радио. С этого начинался день. Густые, суровые мужские голоса пели каждое утро в чёрной воронке репродуктора: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна, идёт война народная, священная война...» А потом передавали сводку Советского Информбюро. В самую болезную точку сердца возназили эти сводки. Взят был Смоленск, пал Киев. И тяжело было глядеть на карту. По этой самой карте я ещё недавно славала географию СССР. Когда никого не было в комнате, я мерила циркулем расстояние. Сперва от границы до Москвы, потом от Минска до нас. Смоленск был как раз посредине, а теперь посредине между немцами и Москвой оставалась Вязьма.

— Что же это будет, что с нами со всеми будет? — причитала мать. — Вон Бурмиловы уже Таточку в Казань отвезли. В тридцать четвёртой квартире тоже все эвакуировались. Может быть, и нам Симочку послать к Георгию, пока не поздно?

— Никуда я не поеду, мама. По-моему, ясно было сказано.

Как я могла уехать, как я могла оставить пионеров своих и Москву, которую полюбила теперь так, как никогда не любила! Да я и дня не смогу прожить без неё, если буду знать, что ей грозит опасность.

А от Амеда давно уже не было писем. В последнем, котороешло очень долго, он сообщал, что находится в кавалерийской части на формировании и ждёт назначения. Может быть, он уже на фронте?

Ромка Каптан тоже стал как-то серьёзнее. Правда, явившись ко мне после большого перерыва, он тотчас же начал дурачиться:

— Ну, как живёшь, Сима? Как эти твои лунатики, халдеи и телескопы поживают? У меня для них есть великолепные детские стихи, как раз для вашего пионерского возраста. Так сказать, переработка довоенного Михалкова на военный лад. Вот слушай: «А у нас упал фугас. Это раз. А у нас — противозас. Это два-с. А у нас наша мама собирается...» Кстати, Татка Бурмилова уже с мамашей

отбирали в эском направлении. А ты ещё не собираешься?

Потом он сел, снял пилотку, сложил её и хлопнул по колену:

— Нет, шутки шутками, а ты, Сима, подумай. Тем более, что тебе есть куда. А? — он вопросительно посмотрел на меня, и я опять почувствовала, что щёки у меня начинают краснеть. — Нет, правда. У тебя брат в Ашхабаде. Он вас там всех устроит. Чего тебе зря тут подвергать себя опасности?

— А что же ты сам себя подвергаешь?

— Ну что ты равнищел. Ну ладно, ладно! Сейчас мне будет прочитана, чувствуешь, лекция о женском равноправии. Не хочу спорить. Я к тебе не спорить зашёл, а проститься. нас с ребятами посылают на укрепления. Куда-то не очень близко. Хотя... далеко сейчас уже ехать некуда.

Мы долго сидели с ним.

Потом он встал, вздохнул. Расправил пилотку, опять положил её.

— Ну, Крупицына, прощай. Говорить ничего не буду, а то ещё что-нибудь остроумно обозлишься на прощанье. А я этого не хочу. Скажу только одно: будь..!

— Что будь? Кем будь? — не поняла я.

— Вообще будь! Я хочу, чтобы ты была на свете. Ведь знаешь, Сима... многие не будут.

Таким я ещё Ромку никогда не видала.

— Быть — это мало, — сказала я. — Надо быть такой, как надо. Быть всякий может. Даже Жмырев. Это не хитрое дело.

— Ты только будь, — повторил тихо Ромка, — слышишь, Сима, будь. Я этого очень хочу. А плохой ты не будешь, я тебя знаю. Ведь ты не только Сима, ты ещё Устя. Двойная нагрузка... Я ведь тебя немножко знаю. Знаешь, я из всех наших девочек только тебе по-настоящему верю. Честное слово. Я прямо-таки убеждён: если что, так ты лучше решишь совсем не быть, чем быть такой, что стыдно быть. Так вот, Сима, будь!

— Ну и ты, Рома, будь!

— Как-нибудь, — сказал он.

Оба мы невесело засмеялись. Ромка надел пилотку, браво откозырял мне:

— Папахен с мамахен — мой привет и всей прочей фисгармонии.

Это, очевидно, относилось к настройщику.

И Ромка ушёл. А мне стало ещё грустнее. Мне захотелось вернуть Ромку и сказать ему что-нибудь очень хорошее. Но с ним было трудно говорить, он всё любил обращать в шутку. Бедные наши мальчишки! Тяжело им там придётся, на укреплениях! И, наверное, опасно там. Я вспомнила тёплое, забавное ромкино прощанье: «Будь!» «Будь, Ромка, будь!» — сказала я про себя. Как хочется, чтобы все были! А по радио пели: «Идёт война народная...» И за окном видны были в вечернем небе десятки, а может быть, и сотни уже поднятых аэростатов заграждений.

ПУТИ-ДОРОГИ

Разве забудешь, когда-нибудь расставание с городом?..

Уже третий день идёт наш поезд, увозя нас подальше от Москвы, а я всё не могу прийти к себе. Как быстро всё это произошло! Ещё за

день до этого мы ничего не знали. А потом суматошные сборы, ночная погрузка на Казанском вокзале, в крошечной тьме. Хорошо ещё, что тревоги не было. И переполненный, забытый пассажирами, ребятами, вещами вагон, слабо освещённый копилкой — одной на весь проход. Свисающие с верхних полок ноги в сапогах, в валенках, детских ботинках, тапочках. Детский плач и голоса, уставшие от волнения: «Женька! Ну где ты, Женька?..», «Мама, дай, прощу, сюда рюкзак..», «Товарищи, вы не видели там синий узел с меткой?..»

И прощанье с отчаянно плакавшей мамой, и отец, весь обмякший, хотя и старший, держась за плечо молодцом: «Ничего, Симочка, ничего, дочка. Ты за Москву не думай, Москва стояла и стоять будет. Ты себя побереги».

А до этого протинная встреча в подъезде нашего двора с Ваской Жмыревым.

— Спасаетесь? Бя-жиге? Эх вы, лопухи...

В самое больное место попал Васька. Правда, в райкоме, когда я получала назначение сопровождала ребят в эвакуацию, меня долго вразумляли, втолковывали: Москва, на которую теперь нацелился враг, должна быть свободна от всего, что может помешать обороне, что может только обременить воюющий город. И наш отъезд так же необходим, как затемнение, — ведь от этого света в доме не меньше. Отъезд наш — это разумная осторожность. Всё это было так, всё это я отлично и сама понимала. А всё-таки горько было до слёз...

Когда мы влезли в поезд, казалось, что ехать в такой тесноте невозможно: негде было не только лечь, но и ногу поставить. Я стояла в проходе между полками, держась за их углы, оберегая маленькое пространство, отвоёванное для моих ребят там, сзади, за моей спиной. Причудливые тени от копилки махали на меня чёрными крыльями как вороны.

И ребята мои сидели, тесно прижавшись друг к другу, непривычно молчаливые, подавленные. Мальчиков остригли наголо. Девочек тоже изрядно обкалнали. И вид у пионеров был какой-то сиротский.

Уже давно ушли из вагона, кое-как протискиваясь в узком проходе, наши мамы, уже в соседнем купе шуршали бумагой, закусывали, пили чай. А мои пионеры попеременно сидели рядышком, серьёзные, тихие, поглядывая на свисавшие с верхней полки чужие ноги перед их носами. И только когда почти незаметно тронулся поезд, дрогнула, качнулась, заходила пол под ногами, Игорь сказал:

— А нам паровоз «ФД» дали. Самый сильный! Потому что у нас состав перегруженный.

Но даже Витя — Скорпион — на этот раз не возражал Игорю и все продолжали молчать.

Москва, большой мой город Москва!.. Если бы ты знала, как трудно было отрываться от тебя пятерым маленьким пионером и не очень старой их вожатой! Если бы ты знала, как хотелось этой вожатой зареветь, закричать истощённым голосом и выскочить из вагона на чёрный перрон, на каменный край московской земли, с которой мы только что спустились на подножку вагона! Но я вспомнила капитана Маирина и его слова: «Сберегите мне Игоря. И Москву сберегите...» Москву

придётся сберечь уже не мне, а другим, более сильным и нужным, которых город не счёл лишними в бою. А Игоря я помогу сберечь.

Я приподняла краешек шторы на вагонном окне, чтобы в последний раз посмотреть на Москву. Но Москва скрылась в темноте военной ночи, и только одинокий прожектор вдруг выбросил к небу своей прямой, белесый, качающийся стебель и пал к горизонту, словно земно поклонился нам на прощанье.

Надо было возвращаться к делам, распределять вещи, укладывать моих пионеров, размещаться. Старшей по вагону была Анна Семёновна, наша завуч из школы. А мне, Кате Ваточкиной и ещё двум старшеклассникам было поручено следить каждой за своей группой школьников. Когда поезд уже пошёл, кончилась предотъездная неразбериха, оказалось, что всё в вагоне стало и легко на свои места, и мест хватило всем. Игорь выбрал, конечно, себе самую верхнюю полку и уже лежал там, свесив голову вниз, и время от времени щёлкал по макушке Дёму, устроившегося вместе с Витей Минаевым на второй полке. Нижнюю полку заняли мы с Галей. Тут, конечно, не обошлось без обид, потому что Лида сейчас же заревновала, почему я выбрала Гаю, а не её. Дело уладилось после того, как я обещала пускать к себе на полку обоих по очереди...

Четвёртый, пятый день идёт наш поезд. Едем мы тихо, больше стоим на станциях. Пути забиты составами. На целые версты вытянулись платформы, теплушки, вагоны. И на них стоят прямо под открытым небом машины, станки, гудами лежит заводское оборудование. Дождь лёт. С металла стекает вода. А на вагонах написано: «Киев», «Харьков», «Краматорская».

Идёт великое переселение заводов. Идут, обгоняя нас, санитарные поезда. Раненых увозят в тыл. Они уже сделали своё дело на фронте. Они едут на лечение. И зачем еду я? Что я успела сделать?..

Уже десятый день идёт наш поезд. Пойдёт час, другой, и опять стоим мы целый день на какой-нибудь станции. А кругом составы, эшелоны, цистерны. Сколько людей сейчас едет! Мне кажется, весь мир съехал со своего места. Весь мир находится в пути. Всё сместилось, перепуталось. И мы где-то затерялись на бесчисленных путях, среди вагонов, теплушек, станков, цистерн...

На одной станции я подхожу к длинному составу. На платформах, бережно укрытые мешковиной, стоят красивые станки, и какой-то длинноусый великан возится у одного из них. Он что-то подкручивает, поправляет и так увлечён своим делом, что я долго стою возле этой платформы, не замеченная им. Потом он отрывается от дела, вытирает вёрежьём замасленные руки.

— Ну что, дочка? — обращается он ко мне. — Бачишь, яка у меня машина гарьненкя? Ось! Сам её я собирал, сам разбираю и теперь обратно в новом месте з'яраз соберу.

Он любовно оглядывает станок и заботливо утыкает его мешковиной.

— Чья така, дочка? Виткиля? — спрашивает он меня.

— Из Москвы. Нас эвакуировали.

— А что же ты такая — вся зажурмалась?

— А что же ты такая — вся зажурилась?

— А чего же радоваться? Эвакуировали...

— Тю, эвакуировали!.. А ты это слово забудь. Ты себе кажи так, як я соби сказав: це нас не эвакуируют, це нас перебрасывают на други участки фронта. Чуешь, дочка? Ты кто сама будешь? Учишься?

— Учусь в школе. Я в девятый перешла.

— У, яка грамотенькя! В девятом, а журишься. С кем едешь?

— Я тут с пионерами еду. Сопровождаю. Вон состав стои.

— От бачишь, це добре! Це значит, ты командир. И мы с тобой, дочка, що сейчас цедем? Мы с тобой, доченька московская, действуем по приказу товарища Сталина — на военную хитрость. Дурни воны, немцы. Они як гадали? От мы на Донбасс придем, усю большевистскую индустрию схпаем. Ну, пришам. Доки што пришам... А индустрия уся утекла. Вот она, наша индустрия, на колёсах. Вот тоби и индустрия. Дуля с маком тоби, Гитлер! Та мы с нашим народом ще в пути усе оборудованье зараз отремонтривали. Як приидем, так с того же дня тим дурням, немцам, нашу закуску готовить станем. Чуешь, дочка? То-то вот и оно! Товариш Сталин усе знает. И вот, бачу я, идут дитячы эшелоны с Москвы. Ясно, дома-то краше, як на колёсах. Но ведь что Гитлер, катюга, паразит, думал?.. Я по всем ихним местам, какет, ударю, вот у них и пойдеть шебарш, а дети неучёные стануг. А товариш Сталин говорит: нет, нехай дети учатся. Це тоже научный фронт. Вот вас и перебрасывают. А ты кажешь — эвакуировали! Да журишься! Не годиться.

Он весело и ласково посмотрел на меня и ловко перескочил на другую платформу. Оттуда скоро послышался стук гаечного ключа,

на который весь металл станка отъезжался глухим звоном.

А я побежала к своим «перебрасываемым», потому что к нашему составу наконец дали паровоз.

На следующей станции Игорь, выходящий посмотреть на улицу, примчался к нам в сержантском раже.

— Сима! — проговорил он, с трудом отдышавшись. — Там... слон... Честное даю слово...

Все начали смеяться над ним, но Игорь давал честное пионерское, честное гвардейское и наконец честное слово СССР. Тут уж все поверили. Накинули пальто и побежали за Игорем. Нам долго пришлось дзаять под вагонами. Мы два раза возвращались обратно, потому что Игорь уже забыл место, где он видел слона. Но наконец мы увидели на одном из дальних путей большой четырёхосный товарный вагон с разобранной и надстроенной крышей. Дверца была отодвинута. И в сумраке вагона за толстой решёткой из тавровых стальных балок мы увидели что-то огромное, серое, всё в обвисших морщинах, астрозат, опадающий на площадке ПВО. Несомненно, то был живой слон. Это показалось столь удивительным, что ребята долгое время не решились даже спросить маленького, очень бородастого и толстого человека, который стоял у вагона. Наконец Игорь осмелился:

— Дядя, это что у вас там едет, слон?

— Это? — и бородастый человек, надев очки, внимательно и долго вглядывался через дверку вагона, а потом очень серьёзно посмотрел на Игоря. — Это? Нет. Крокодил.

— Как, то есть, крокодил? — возмутился Игорь. — Что, я не знаю, какие крокодилы? — Игорь чувствовал явный подвох, но не знал, как выбраться из создавшегося положения.

— А я разве не знал, какие пионеры? — ухмыльнулся бородач. — Я думал, что пионеры тоже не такие, чтобы задавать ненужные вопросы, когда и без этого всё ясно.

Ребята осторожноненько хихикнули. За стальной решёткой медленно заворочалась гора асфальтового цвета, и между балками высунулся толстый и длинный хобот. Потом хобот изогнулся кверху, качнулся в обе стороны, пошевелил отростком, похожим на огромную бородавку, и испустила огушительный громкий рёв. Пионеры мои даже отступили на шаг. И где-то, на десятом пути, словно откликнулся паровоз.

— Джумбо, выражайся поделкатнее: тут дети, — негромко сказал бородач.

— Это африканский? — спросил Витя Минаяв.

— Индийский, — отвечивал бородач.

— О, я его видела у нас в Зоопарке! — узнала вдруг слона Люда Сокольская. — Я смотрю — лицо у него знакомое. Помнишь, Галя? Он у меня ещё тогда съел булку вместе с кошкой.

— И потом его тошнило два часа, я ему давала промывательное! — сердито сказал бородач. — А ведь там, помнится, висит на ограде объявление, чтобы никакии предметов не совали.

— А я не совала! — заговорила торопливо Люда. — Булка же не предмет, а еда ему... Я

ему протянула, а он цап кошколку вместе с булкой и — ам! А потом он мне обратно выплюнул, только жёваную всю...

Слон утёрся широко лбом в просвет между балками и смотрел на нас маленькими, очень мирными и утомлёнными глазами. Но всем нам стало его жалко. Всё-таки, сложная жизнь и у этого слона. Ходил где-то в Индии. Потом его изловили. Привезли к нам. Жил он себе поживал в Зоопарке. А теперь гонят его куда-то, беднягу, на неизвестное место.

— А его что, тоже эвакуи... то есть перебросили на другой участок? — спросила я.

— Слонов у нас не так много, чтобы ими бросаться, — отвечал наставительно бородач. — Вот и решили временно перевезти его. Не знаю точно, как он выдержит перемену климата. Он уже и так у меня простудился. Насморк, чихает.

— А его надо в жаркие края... Ну, например, в Туркмению, — сказала я и подумала: «Вот будет здорово, если его там Амед увидит».

После этого я сразу прониклась к слону огромной нежностью.

Бородач разрешил нам покормить Джумбо. Пионеры побежали за хлебом, обещав мне взять не более кусочка, потому что с хлебом у нас в последние дни было туго, и бедная Анна Семёновна с ног сбивалась на станциях, добывая нам продукты, засылая во все концы следования нашего эшелона предупредительные телеграммы.

Я подошла к самому вагону. Смирный, огромный и печальный, поглядывал на меня сверху Джумбо. «Милый, толстокожий носач, — хотелось сказать мне, да я бы и сказала, если бы рядом не стоял этот напешлаивый бородач, — вот и тебя спасает. И тебя повезли нивесть куда. А может быть, ты попадёшь в Туркмению. Тогда, если увидишь Амеда, протруби ему салют от меня. Очень хорошо, что тебя увезли, а то ты слишком заметный объект... Вои, по тебе можно ходить, как по крыше. И зря ты маскируешься под астрозат. Это ещё хуже! Нет, очень хорошо, что тебя эвакуируют, или перебрасывают, словом — спасают. Будь, Джумбо, будь! Слоны нам тоже нужны». Если бы тут был Ромка, он, конечно, непременно сострил бы: «Нужны ли слоны при социализме?» «Нужны, конечно, нужны», — тогда же ответила я сама себе и дала слону яблоко, оказавшееся у меня в кармане. Слон вежливо и неслышно взяла у меня с ладони своим огромным хоботом яблоко и бросил его себе в отвисший рот. Огромные уши его шевельнулись — словно грузовик распахнул дверцы кабины. И долго, благодарно топчась, мне кивала сверху ласковый, круглобый, московский слон.

«ЗОЛОТОЙ ЖИЛЕТТ»

Перед самым обедом случилось происшествие, которое в нашем налаженном дорожном мире всё перевернуло вверх дном.

Началось это с того, что Галя Уранцева показала свой альбом с открытками «Виды Москвы». Все, притихнув, любовались знакомыми зданиями столицы, её улицами.

Чтобы не отстать от подруги, Лида Сокольская вытаскала из чемодана собранный ею

гербарий и коллекцию крымских камешков и ракушек. Театрал Дёма Стрижаков показал бережно хранимому на дне баула программу спектакля «Синяя птица» в Художественном театре. Витя Минаев продемонстрировал математические фокусы по книжке «Весёлый час». Вообще все хвастались своими сокровищами, вывезенными из Москвы в эвакуацию. Дошла очередь до Игоря. Он показал сперва свою знаменитую коллекцию зенитных и бомбовых осколков.

Чтобы окончательно сразить нас, Игорь вытаскивал свою самую заветную коллекцию. Он редко кому её показывал. В большом альбоме в особых гнёздышках сидели пёстрые, разноцветные конвертики с безопасными бритвами. Игорь собирал их везде, где только мог.

— А вот тут у меня, видишь, пакетик, синенький с золотом? — объяснял увлечённый Игорь. — Тут у меня самая лучшая бритва была. Я её выменял на три марки: две норвежские, одна — Гваделупы. Называется «Золотой Жилетт». Это последняя модель...

— А ну, вынь, покажи, — попросил Дёма.

— Да, потерял я где-то. Куда девал, не помню, искал, искал перед отъездом, да уж некогда было, так и бросил. Вот только конвертик остался. А жаль, красивая была! Внутри золотая, по бокам чёрная, а в середине не три дырочки, а щёлочка так прорезана фигурно...

— Вот такая? — громко сказал Витя Минаев и протянул руку.

На ладони его лежало треснувшее, немножко заржавевшее, но ещё сохранившее свой блеск лезвие, золотистое, с узенькой продольной фигурной прорезью.

— Эта? — спросил Витя.

— Эта, эта! — обрадованно закричал Игорь. — Где ты нашёл?

— Где нашёл? — с особым выражением произнёс Витя и оглядел нас всех. — Там нашёл, где ты потерял. В тайнике нашёл. На острове нашёл. Там нашёл, где ты гороскопы наши украл.

— Я не крад! Ты не смей даже говорить так!

Сперва Игорь покраснел, а теперь кровь отхлынула от его щёк, и он стал совсем бледный. Тоненький, прямой, с поднятыми плечами, он вытнулся перед Витором и смотрел на него огромными серыми глазами, полными негодования. Потом он, видно, что-то внезапно припомнил и сразу как-то обвис. Беспомощным взглядом потянулся он ко мне, и я невольно опустила глаза, чтобы не видеть этих растерянных, смятённых взоров из-под пушистых ресниц, на которых блеснула слеза. Что я могла сказать? Я сама хорошо помнила, что там, внизу, в погребке, откуда исчез наш тайник, в глину было наполовину втоптан это лезвие, и Витя Минаев при мне поднял его тогда.

— Сима! — умоляюще закричал Игорь. — Ну, Сима, зачем ты молчишь, ты же знаешь, скажи им... Ты же знаешь, что я не украл. Что же ты молчишь?

— Но я молчала, не зная, что сказать.

— Честное вам даю пионерское, ребята: я... не брал.

— Но ты был там до нас, на острове?

Последовало длительное молчание. Игорь всхлипнул.

— Ну, был... Только это совсем другое дело.

— Сразу видно, что взял! — закричали девочки. — Просто хотел прочесть, раньше всех секреты наши выведать. Знаем, знаем! Он ведь ужас какой любопытный! Всё любит про всех знать, а про себя скрывает.

— Ничего я не скрываю! — закричал Игорь. — Вот если вы мне не верите уж, так я вам могу сказать, что тогда лодку с острова я упустил...

Он остановился, сам перепуганный вырвавшимся словом. Но было уже поздно. И он сам понял это.

— Я её ночью оттолкнул. Да! Я!

Ребята были так поражены, что только рты разинули.

— Зачем же ты это сделал, Малинин? — как можно спокойнее спросила я.

— Ну просто так... для интереса... Чтобы было какое приключение, как на необитаемом острове. Я хотел лодку сперва спрятать за корягой там, в заливишке, да упустил нечаянно. Хотел уже в воду лезть. А тут ты меня как раз позвала, Сима. Я уже не мог... А тут ещё эти гороскопы пропали. И война началась. Просто мне не повезло. Но, честное слово, гороскопы взял не я. Видите же, ребята, что правда было — я сознался... Я бы раньше сознался, да тут война, как-то недовольно было уже... А я не брал, честное слово!

— И столько времени молчал! — закричали девочки.

— Погодите, погодите, ребята. Пусть Игорь хорошенько подумает сегодня над тем, что произошло у нас с ним. История с лодкой достаточно безобразна, Игорь. Сколько огорчений и волнений ты доставил родителям, об этом ты подумай?

— А я ж нечаянно упустил совсем... — успев вставить словечко Игорь.

— Сейчас уж не перебивай лучше, Малинин... И с лезвием тоже очень подозрительно. Ясно, что ты был в тайнике. После этого наши гороскопы исчезли. Предлагаю тебе серьёзно подумать, а завтра сказать нам всё, что ты по этому поводу знаешь, но почему-то считаешь нужным скрыть. А сейчас, ребята, берите котелки, через пять минут обед раздавать будут.

Весь этот день ребята бегали шпунтаться в тумбуре, с Игорем не разговаривали. Легали спать рано. Ночью мне не спалось. Поезд наш долго стоял на какой-то станции, потом пошёл, гудя в темноте. Я всё думала о странной истории с лезвием. Ясно было одно: Игорь до нашего похода уже побывал на острове и лазал в тайник, обронив нечаянно лезвие. Но зачем понадобилось ему красть наши гороскопы?

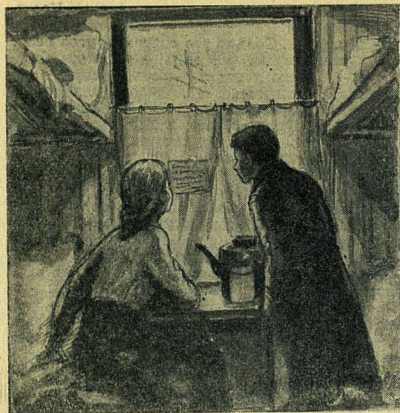
Наконец я заснула.

Проснувшись я от того, что кто-то трогал меня за плечо. Открыла глаза. Меня будил Дёма.

— Сима, — шепнул он и молча указал на бумажку, приколотую к вагонной занавеске.

Протерев глаза, ещё слипавшийся от сна, я прочла:

«Сима, я уезжаю в Москву на подкрепление. Я давно так уже хотел, но старался быть выдержанным. Потому только ехал. Но раз мне нет больше доверия, то я всё равно не могу.

Дёма указал на бумажку, приколотую к занавеске.

Я виноват, но не брал гороскопы. Счастливого пути дальше вам. Привет всем. Честное слово, я не взяла. Сима, не пиши папе, я напишу сам. Малинин Игорь».

Верхняя полка надо мной была пуста.

ВСЕ — ЗА МОСКВУ!

Должно быть, он вылез тихонько из поезда под утро, когда я наконец забылась сном. С собой Игорь прихватил свой баульчик, валенки и зимнее пальто, а демисезонные оставил. На столе у вагонного окошка осталась коробка с общим сахаром-рафинадом, запас которого обычно сдавался Игорю на хранение, как жителю верхней, самой недосыгаемой полки. От буханки хлеба, полученной нами вчера, была отрезана небольшая краюшка. Больше Игорь ничего не взял.

Бегство Игоря было для меня тяжёлым ударом. Я совсем растерялась. Не сразу я решилась сообщить обо всём Анне Семёновне. Она так и села, когда услышала.

— Что же это такое, Крупницкая, как ты допустила! Ну вот, разве можно на тебя положиться? Ах, боже мой!.. Будет станция, я протелеграфирую по всей линии. И в школу надо сообщить...

Ребята мои были тоже потрясены исчезновением Игоря и готовы были уже обрушиться на Витю Минаева.

А у меня самой совсем руки опустились. Как это я не досмотрела? Ах, Игорь, Игорь, несносный маленький Козерог, самый отчаянный из моих зодиаков!.. Он канул в этот тревожный, взбудораженный мир, через который мчался наш поезд. И где его там найти теперь?.. А капитан Малинин говорил при прощании: «Сберегите мне Игоря, Симочка». Вот тебе и уберегаал!.. Да, видно, у меня ещё нет никакого педагогического опыта.

До этого дня, когда меня опять начинало

уж очень неудержимо тянуть в Москву, я старалась сама доказать себе, что должна ехать хотя бы ради Игоря: этим я выполняла наказ командира Малинина. Капитан Малинин оставил мне на попечение своего сына, и вот я сопровождала его. А теперь... Мне сразу опостылел наш вагон и снова неслепым обидным стал казаться мой отъезд из военной Москвы.

Но поезд всё шёл и шёл. И надо было по-прежнему заниматься тем, что мне было пока положено делать: ходить на станциях вместе с Анной Семёновной за продуктами, дежурить по вагону, заваривать чай...

На другой день я вышла где-то на стоянке, чтобы набрать кипятку. Как раз в эту минуту на станции заговорило радио. Передавали вчерашнюю вечернюю сводку.

«В течение ночи с 14 на 15 октября положение на западном направлении фронта ухудшилось. Немецко-фашистские войска бросили против наших частей большое количество танков, мотопехоты и на одном участке прорвали нашу оборону. Наши войска оказывают врагу героическое сопротивление, нанося ему тяжёлые потери, но вынуждены были на этом участке отступить...»

Я почувствовала, что из-под моих ног, как доску, выдернули землю... Минуту мне казалось, что я качаюсь в пустоте, судорожно ища руками, за что можно ухватиться. Потом земля снова медленно утвердилась под моими подошвами. У меня так колотилось сердце, что я долго не могла сойти с места. Весть ошеломила меня. Как страшно звучало: «На западном направлении... ухудшилось!» Значит, под Москвой плохо. Они прорвались. Ужасна была самая мысль, что город в опасности.

Обдав меня горячим паром, оттолкнув плотным воздухом, прогрохотал мимо эшелон. Я успела пропеть на красном полотнище, прибитом к стенкам вагона во всю длину:

«Москва — за всех! Все — за Москву!»

И пока стоял на этой станции наш поезд, прошли туда ещё три эшелона. Могучие паровозы легко тащили за собой огромные составы. Танки стояли на платформах, орудия. Это шла подмога Москве. И зелёные semaфоры всех станций, без очереди, ни минуты не задерживая, пропускали срочные маршруты. Мне казалось, что машинисты в этот день гнали свои паровозы быстрее, чем всегда. Они тоже спешили к Москве. А мне хотелось крикнуть им: «Скорее, скорее!». Москва ждёт вас. Спешите ей на подмогу!»

Чутьочку приободрившись, я побрела к себе в вагон.

— Симочка, ты бы легла совсем, а то у тебя вид не очень здоровый, — сказала Галя. — Это ты всё из-за Игоря расстраиваешься?

У меня очень разболелась голова, и до следующей станции я не вставала с полки. А на станции нас опять надоло задержали, и я вышла, сказав ребятам, что хочу подышать свежим воздухом. По первому пути проходил на Москву большой военный поезд. Он остановилась, паровоз погнала по холодной земле струи кипящего пара. Я стояла, вся окутанная белым, сырым облаком. И через это облако я расслышала голос, гортанный, певучий и такой знакомый, что у меня щеки закололо от разом нахлынувшей к лицу крови. Голос

этот, мальчишеский ещё и в то же время наделённый какой-то властью, раздавал совсем близко от меня, но проклятый паровоз напустил такого пару, что я никак не могла разглядеть. Я побежала на голос, невольно глотая мокрый, пахнущий баней пар, и натолкнулась прямо с разбега на говорившего. Что-то загремело...

— Ой! — вскрикнула я. — Извините, пожалуйста!

И пар рассеялся. Передо мной стоял Амед. Я бы никогда не узнала его, если бы не слышала его голоса. Как он вырос! Он был совсем взрослый. На нём были военная гимназёрка, кавалерийские брюки, казацкая сабля. Меховая шапка была сдвинута на затылок. А в ногах у него, обутых в хорошие, ладно сидящие сапоги со шпорами, валялось обыкновенное ведро, конское ведро. Оно и захотало, упав на землю, когда я набежала на Амеда.

Он не сразу узнал меня.

— Амед, Амед! — говорила я. — Здравствуй, Амед! Узнаешь? Я это!

— Что такое, извиняюсь... — бормотал Амед, нагибаясь за оброненным ведром, но не открывая от моего лица своего взора из-под косматой шапки.

И вдруг он узнал. Как взлетели его брови к вискам, как заблестели у него глаза!

— Сима?! Нет, серьёзно, ты? Извиняюсь, честное слово. Что такое? Не узнал... Сима, здравствуй!

Он схватил мою руку, крепко пожал.

— Сима, — тихо повторил он, — ну скажи, пожалуйста, вот называется встреча, честное слово, что такое!.. Ты совсем большая сделалась, взрослая совсем. Ай, смотри какая... Сима! Куда едешь? Почему ничего не писала?

— Как не писала! Что ты, Амед! Да я тебе всё время писала, а вот ты как раз...

— Зачем ты говоришь? Неправильно говоришь, — я тебе сто раз, тысячи раз писала...

И так мы стояли, радостно смеясь в лицо друг другу, и говорили какие-то глупости о том, кто кому сколько раз писал. Потом мы спохватились, что времени у нас, быть может, всего минута и сейчас мы разведемся.

— Ты слышал, Амед, сегодня сводку?!

— Немного слышал.

— Плохо под Москвой, Амед!

— Будет хорошо, Сима! Видишь, сколько народу — все в Москву едут. Хорошо будет!

— И вас тоже туда послали?

— Обязательно туда! Видела, какие джигиты у нас? Особая кавалерийская часть генерала Павлихина. Не слышала ещё? Скоро будешь слышать. Знаешь, какие у нас кони! Самые лучшие кони, нет таких нигде!

— А этот самый... твой, ну этот... Дюльдяль, тоже едет?

— Обязательно едет! — он выпрямился, щёлкнула языком, привистнула и крикнул гортано: — Угэ-гэ! Дюльдяль!

И тотчас звонкое, залихватное ржанье посыпалось из большого вагона.

— Идём покажу, — предложил Амед, — честное слово, такой конь, царь никакой на таком не ездил...

Где-то на путях тренькнули буфера, заго-

лосил паровоз. «А вдруг это наш состав пошёл?..»

— Амед, погоди, — сказала я, — нам сейчас отправление могут дать.

— Что такое, какое отправление?

Путаясь, в двух словах, как можно быстрее рассказала я Амеду о нашем эшелоне, о моих ребятах, о том, как тяжело мне было уезжать из Москвы, как страшно мне стало сегодня, когда я подумала, что туда уже нельзя вернуться.

— Почему нельзя? Что такое? — сказал Амед и наклонился вдруг ко мне. — Слушай, Сима, извиняюсь, правда... Едем с нами! Я по нашей теплушке главный. Меня все слушают. Четыре коня у нас. Место будет. В чём дело, честное слово? Едем в Москву!

Минуту назад он мне казался ещё совсем чужим, потому что очень изменился с тех пор, как мы расстались два года назад. А теперь, когда он наклонился близко, я снова разглядела его и увидела, что хотя он и вырос, стал шире в плечах и резче чертами лица, но всё в нём осталось таким же. Напёлся, напёлся Амед! И он ехал защищать Москву, мой город! И там, во фронтовой, верно, делом занятой военными делами Москве, мыкался, может быть, Игорёк, одинокий, бесприютный.

А меня поезд увозил всё дальше от Москвы...

А что, если...

Надо было решать мгновенно. И наш состав и воинский эшелон генерала Павлихина могли двинуться со станции каждую минуту... Я сама не знаю, откуда в такие минуты берётся и неслыханная дерзость и уверенность в себе, помогающие сразу решаться на самое трудное.

— Стой здесь, я сейчас! — крикнула я уже на бегу и бросилась к своему составу.

Только бы успеть, чтобы поезд Амеда не ушёл! Я вбежала в своё купе, быстро собрала самые необходимые вещи и одяла, наскоро свернула, завязала узлом, подхватила свой чемоданчик. В купе никого не было. Ребята стояли снаружи, у подножки вагона. Мне трудно было бы пройти мимо них, не прощаясь, да они бы и заметили. А что я могла им сказать? Поэтому я соскочила на другую сторону пути, оббежала наш состав и только, когда была уже далеко от своего вагона, крикнула: «Люда, Галя! Скажите Анне Семёновне, что я срочно уехала в Москву... Прощайте!». Они, кажется, не расслышали или разобрались, да не поверили своим ушам.

А я уже нырнула под другой состав. Вот и эшелон с бойцами, конями, повозками генерала Павлихина. Я запомнила его по новеньким вагонам. Но до вагона Амеда было ещё далеко, а в этот момент паровоз прогудел, дёрнул состав и двинулся. Роняя вещи, подбирая и запихивая их на ходу в узел, спотыкаясь, бежала я что есть силы, а поезд всё ускорял и ускорял свой бег. Я догнала вагон, но не могла взобраться в него, и мне казалось, что всё уже потеряно. Я стала отставать, как вдруг чьи-то руки сверху подхватили меня подмышки и втащили в высокий вагон.

(Окончание в следующем номере.)

Школьный музей

Нам очень давно хотелось организовать школьный музей, но удалось это сделать только в прошлом году. Мы собрали всё, что сумели накопить за несколько лет, и получился интересный, хоть и маленький музей. В нём каждый экспонат имеет свою историю и связан с именем кого-нибудь из учеников. Ведь всё, что есть в нашем музее, найдено учениками печеркинской средней школы.

Вот, например, летопись нашего края. Она называется «Юрмытской». Её нашёл в перковных архивах Дмитрий Султанов, который учился в нашей школе.

Вот несколько выдержек из летописи:

«В 1677 году, июля 20 дня Кирчинской слободы пашенные крестьяне Ивашко Степанов и Иовко Кузьмин Печеркины били челом великим государям Фёдору Алексеевичу и царевичам Иоанну Алексеевичу и Петру Алексеевичу, и в Тобольской приказной палате боярину и воеводам Петру Васильевичу Большому Шереметьеву, да стольнику Ивану Ивановичу Стрешневу, да дьяку Григорию Михайловичу, чтобы велено было им, Печеркиным, основать слободу...

По указу великих государей и по приговору боярина и воевод велено было Ивашке Степанову и Иовке Кузьмину Печеркиным вновь построить слободу и крестьян призывать... чтобы им в Юрмытской слободе строить дворы и никаким воровством не заниматься и жить им с великою осторожностью от колымских войских людей».

Так среди непроходимых лесов по долине реки Юрмыча поселились первые жители наших мест. А вот что происходило двести лет спустя:

«1864, 1865, 1866, 1867 года были скудны по урожаю, так что многие не сеют хлеба и лишились имущества, отдавая оное из-за хлеба под залог богатым. Январь 1868 год свирепствует горячка. В 1870 году на некоторые поля незачем было с серпом ходить. Во всём уезде болезнь лихорадка. 1883 год был для всех местных жителей тягостным по слу-

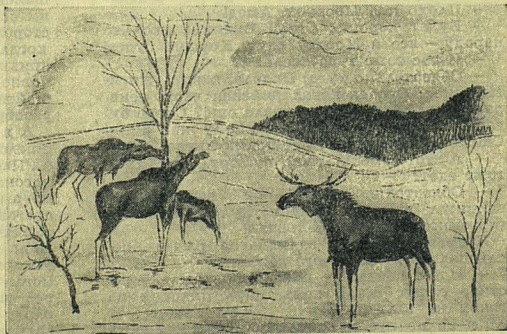
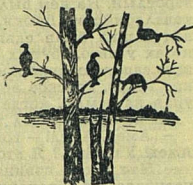
чаю неурожая хлеба и травы».

Дальше идут записи о сибирской язве и снова о неурожае.

Краеведы школы переписали всю летопись и копию подарили библиотеке Пышминского райкома партии. Пропагандисты райкома часто пользуются этой летописью, рассказывая о тяжёлом прошлом нашего края.

У нас в школе многие ребята ведут наблюдения над погодой. В школе есть тетрадь для записи метеорологических наблюдений. Кроме того наши метеорологи разскаали стариков, которые умеют определять погоду по приметам. У некоторых из них тоже оказались тетради с записью их наблюдений. По этим записям ребята составили для музея диаграммы погоды за 20 лет. По ним мы теперь учимся определять, урожайным или неурожайным будет год. Мы теперь знаем, что во время цветения черёмухи в Зауралье всегда бывает похолодание, а март — самый ненастный месяц в году: в это время всегда дуют сильные ветры с запада.

В нашем музее есть коллекции денежных знаков. В них есть очень старые монеты. Например, медная, грубой чеканки «Денга 1750 года». Бывший ученик нашей школы, Зено Зырянов, нашёл зуб мамонта на берегу реки Юрмыча. В музее лежат и

В Кочковатом болоте второй год живут лосы.

Осенью около деревень появились волки.

обломки бивня мамонта, найденные Василием Печеркиным у речки Мостовой, коллекции лиц и уральских камней. Самое почётное место в музее занимает книга «Урал — земля золотая». Три рассказа в этой книге написаны ребятами, которые учились в нашей школе.

Бережно хранятся в музее все тринадцать номеров школьного литературно-краеведческого журнала «Наша Родина». Его мы из-

даём с 1940 года. В журнале есть отдел «Новости», в котором мы пишем об интересных событиях нашего района. Из «Новостей» можно узнать, что 24 марта 1940 года в 12 часов ночи было северное сияние, что в саду колхоза имени Пушкина мичуринские сорта яблона дали первые плоды, что весной 1941 года река Юрмыч разлилась так, как разливалась только в 1914 и 1928 годах, что осенью того же года улетели обычно зимующие здесь глухари и около деревень появились волки. О том, что в Зареченском озере прижился зеркальный карп и что в Кочковатом болоте второй год живут лоси, которые никогда не садились так близко к жилью, можно узнать из журналов военных лет.

Там же можно прочитать о таких радостных событиях в нашем районе, как электрификация шести колхозов, открытие МТС в селе Юрмытском и известие о том, что около села Талицы геологоразведочная партия обнаружила залежи каменного угля.

Когда мы перелистаем странички нашего журнала и рассматриваем всё, что собрано в музее, мы как будто читаем летопись нашей школы. Мы видим и свои работы и работы тех, кто давно окончил школу, но оставил о себе добрую память.

Борис Коновалов, Виктор Уланов, Владимир Белоусов, Женя Уланов

Печеркинская средняя школа, Пышминского района, Свердловской области

Мы участники конкурса

Около нашей школы теперь есть роща и вишнёвый сад с малинником. Правда, мы ещё не ели вишен из своего сада и не собирали ягод. Это только молоденькие деревца и кустики, но пройдёт ещё три — четыре года, и у нас поспеют свои вишни. А малину мы уже будем собирать на следующее лето.

Ничего этого не было в прошлом году. Мы рассадили сад весной, когда чоботовские пионеры обратились к школьникам нашей страны с призывом сажать сады.

Взялись мы горячо, но с самого начала нам встретились трудности. Во-первых, не было посадочного материала. В нашем селе мало садов, и саженцы пришлось добывать по колхозам, только кое-что принесли из своих садов ребята. Так у нас набралось больше четырёхсот корней вишни, двести пятьдесят кустов малины и без счёту сирени. А пятьсот саженцев

тополей мы сами вырыли в лесу. Удобренные нам разрешили брать в колхозе.

Наши тополя и вишни уже зазеленели, как вдруг пришла беда: в сад стали лазить козы! Пришлось огораживать сад колючей проволокой и оканывать глубоким рвом. Но труднее всего нам пришлось в начале лета, в разгар испытаний. Молодому саду нужно было ещё много влаги, особенно топлям, а тут, как нарочно, ни одного дождя! В школьном колодце для поливки нехватало воды, и мы носили её из колодцев колхозников. И тут мы оказались победителями: спасли свой сад.

Всё принялось в нашем саду. На зиму мы окопали каждое дерево, заготовили удобрения и теперь слушаем советы наших учителей, как дальше ухаживать за садом. В октябре мы посадили ещё сто корней вишни, а весной будем сажать груши и яблони.

На осенем слёте юннатов Московской области нашу школу отметили как лучшую. Постараемся в течение всего конкурса быть впереди.

Валя Ширяева, Люба Тулисова

Молоковская средняя школа, Ленинского района, Московской области

Костёр на снегу

У нас в дружине заведён такой порядок: каждую осень мы проводим сборы, на которых делимся впечатлениями о проведённом лете. Один сбор нам особенно запомнился.

Он прошёл не совсем обычно — в лесу, у костра. Это было ещё в ноябре, но как раз выпал снег, пушистый, глубокий. Деревья стали лохматыми и седыми. Мы собрались на лесной полянке и разожгли большой костёр. Ярко горели основные ветки. Мы расчистили до земли площадку вокруг костра и усеяли на сухих ветвях.

В это лето многие пионеры нашей дружины провели экскурсии, ближние — по району — и дальние. Десять человек были в Архангельске. Витя Шириков побывал у юннатов петровской школы и рассказал об их интересных опытах над овощами и цветами. Вова Смирнов и Галя Дернова ездили в Ростов-Ярославский. Они познакомили нас с историей этого старинного города. А Вову Снопова, верно, ничто так сильно не интересует, как электричество, — с таким увлечением он рассказал нам о новой электростанции на реке Лиге.

После увлекательных рассказов наших путешественников мы долго мечтали о будущих своих походах, а потом спели песню «На коньки да на салазки» и пошли играть. Мы катались с горы на лыжах и на санках, соревновались, кто больше воткнёт в снег и поднимет флажков во время езды с горы. Среди нас оказалось немало ловких.

Пока мы катались с гор на лыжах, дежурные по костру напекали картошки.

Потом мы вернулись на поляну. Пока мы катались, дежурные по костру напекали картошки. Мы с аппетитом поели и с песнями вернулись домой.

Пионеры дружины № 1 имени Саши Чекалина

Ярославская область,
п/о Долгополово, детский дом № 28

Рисунки к этому и к другим письмам в «Нашей почте» сделала Клара Калинычева, ученица 211-й школы Москвы.

Вы уже видели на внутренней стороне обложки этого номера журнала, какие игрушки подарили московские пионеры ребятам города Рузы.

На этом снимке девочки из 228-й школы Октябрьского района отправляют подарок ребятам Рузы от своей дружины. Они посылают школьные принадлежности, учебники и книги для чтения.

Весёлая зима

В нашей школе почти все девочки катаются на коньках. А вышло это вот как. В прошлом году осенью на совете дружины мы решили организовать конькобежный кружок. Пионерки Рая Звонова и Клава Насточкина взялись вести занятия. Сначала они проверили, в каком состоянии находятся у девочек коньки. Оказалось, что у одних коньки заржавели или расклепались, у других их совсем не было. Пришлось заняться чисткой и клёпкой. Всё это мы делали в школьной мастерской. Когда коньки были готовы, мы принялись за костюмы. Некоторым девочкам пришлось самим шить костюмы под руководством учительницы рукоделия.

Наконец вышли на каток. Новичков оказалось много. Катю Виноградову, Нину Лешкову, Таню Дудкину и других девочек, не умеющих кататься, взяли под руки те, кто умеет, и поехали по искрящемуся льду. Когда новички научились стоять на льду, наши инструкторы показали им шаг, толчок и бег.

Наутро у всех девочек сильно болели ноги, и Клава посоветовала заниматься по утрам зарядкой. Потом гимнастика вошла в привычку, и в сырую погоду мы даже устраивали в спортивном зале специальные занятия: делали упражнения для рук и ног.

На каток ходило всё больше и больше девочек. Все так увлеклись занятиями, что никогда их не пропускали, и Рая с Клавой этому очень радовались.

Через две с половиной недели мы устроили эстафету на коньках. Было очень интересно! По ледяной дорожке, обгоняя друг друга, бежали девочки, которые совсем недавно даже стоять на льду не умели. А ещё через несколько занятий мы устроили конькобежные соревнования. Собрались много болельщиков. Пришли подруги участниц соревнования. Всем было интересно, чья команда выиграет и получит вымпел. Вымпел выиграла команда Клавы Насточкиной.

Теперь у нас мало кто из девочек не катается на коньках. Но и для них есть развлечение. Кроме конькобежного кружка в этом году у нас организованы лыжная, волейбольная, гимнастическая и вместе с соседней школой. баскетбольная секции. Нам и этой зимой будет весело!

Оля Николаева,
председатель совета дружины 438-й школы. Москва

Интересно пройдёт зима там, где пионерские дружины вовремя обо всём подумали. Катание на коньках, спортивные соревнования, лыжные походы за город! Всё это будет у пионеров 36-й московской школы. Они ещё осенью привели в порядок весь спортивный инвентарь.

В мастерской С. Т. Коненкова

Знакомство ребят, живущих в Москве, в доме № 17 по улице Горького, со скульптором Сергеем Тимофеевичем Коненковым состоялось так.

Высокие окна мастерской до половины закрашены масляной краской, чтобы защитить работающего ваятеля от любопытных взглядов. Ребята слышали, что Сергей Тимофеевич — знаменитый скульптор: многие видели в Третьяковской галлерее его произведения, — и всем им очень хотелось взглянуть, как же он создаёт гипсовые и мраморные фигуры. Попросить разрешения на посещение мастерской они не решались. Достали лестницу, приставили её к окну, взобрались вверх, и... вдруг раздался треск: стекло не выдержало тяжести и лопнуло. Лестница с грохотом повалилась. Когда ребята вскочили с земли, то увидели скульптора. Но он не сердился.

— Хотелось мастерскую посмотреть? Так бы и сказали. А стёкла бить — это нехорошо... Прощу.

Сергей Тимофеевич распахнул дверь, и сконфуженные ребята робко вошли в просторный зал, уставленный бюстами и статуями из различных материалов. Завязалась беседа. Коненков объяснял ребятам значение своих произведений, рассказывал о своём детстве, проведённом в Смоленской губернии. Мальчиком он часто ездил в ночное. Но, вместо того чтоб стеречь лошадей, упоённо рисовал при блеклом свете луны...

— А вы любите рисовать? — спросил Коненков ребят.

— Очень! — хором ответили ему.

Тогда Сергей Тимофеевич договорился с ребятами, что они принесут ему показать свои рисунки.

Так началась дружба скульптора с ребятами. Каждый воскресный день в мастерскую Коненкова приходят мальчики и девочки. В течение двух часов они учатся

Сергей Тимофеевич Коненков с ребятами в своей мастерской.

рисовать и лепить под руководством блестящего мастера.

В одно воскресенье вместе с фотокорреспондентом Ю. Говоровым мы посетили мастерскую. На длинных скамейках за низкими столиками сидели двадцать четыре юных художника. Скрипели карандаши, в проворных руках кусочки глины превращались в фигурки людей, в зверей и птиц. Четверо ребят срисовывали голову великого русского живописца Сурикова, высеченную Коненковым из мрамора. Я спросил у Юры Моченова, рыжеватого мальчика в пионерском галстуке:

— Кем ты будешь?

— Путешественником, — не задумываясь, ответил Юра. — Буду ездить по разным странам и зарисовывать всё, что вижу. Очень люблю рисовать...

Женя Суслов признался, что посещение мастерской Коненкова значительно интереснее, чем футбол: Женя хочет быть архитектором, и ему необходимо уметь отлично рисовать.

Десятилетний Витя Григорянц старательно копировал в глине статую Коненкова «Освобождённый человек» — фигуру могучего титана, рвущего руками цепи. А пятилетняя Галочка, которая не знает ещё своей фамилии, выводила на бумаге причудливые цветы...

Сергей Тимофеевич смотрел работы. Затем он собрал их вместе и подробно разобрал достоинства и недостатки каждой из них. Дети внимательно слушали. В следующий раз, работая в мастерской или дома, они учтут эти замечания.

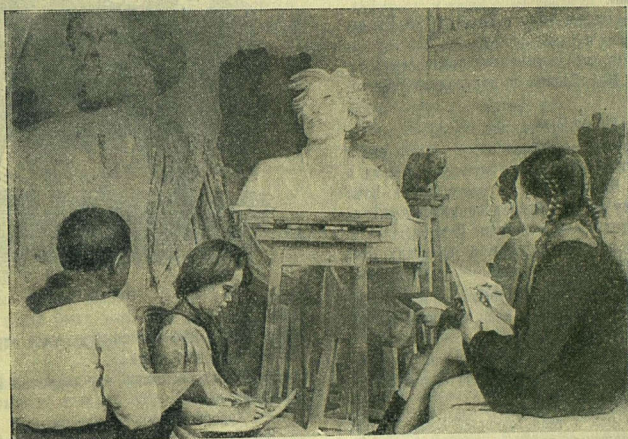
После занятий Сергей Тимофеевич роздал ребятам «магические» пропеллеры. Он сам выстругал для каждого тонкую палочку с аккуратными зарубками. На конце её насажен на гвоздик лёгкий пропеллер. Если другой, короткой палочкой ритмично тереть по зарубкам, пропеллер вертится.

И ещё один сюрприз ожидал ребят: Коненков предложил им всем вместе посетить Третьяковскую галерею.

Не только лепкой и рисованием занимаются ребята в мастерской скульптора. Каждый раз после «урока» рисования они читают стихи, танцуют.

Так дружит замечательный художник с ребятами, которые любят лепить и рисовать. И они уже знают, что для достижения мастерства одной любви недостаточно — нужно упорно и терпеливо учиться.

Зм. Брагинский

Юра Моченов, Люся Иванова, Женя Суслов и Галя Самарова делают зарисовки с бюста художника В. И. Сурикова.

Привет от Ежика

Автор книги «Четвёртая высота» Е. Я. Ильина получила много писем от читателей. Ребята горячо полюбили героиню Отечественной войны комсомолку Гулю, о которой рассказано в этой книге. Многие из ребят спрашивали о маленьком сыне Гули. Они хотели бы знать, где он живёт и что делает. Вот Е. Я. Ильина и написала о нём.

Рослый краснощёкий мальчик, сероглазый и светлобровый, стоял у низенького столика в углу комнаты и командовал оловянной армией.

— Огошь! — кричал он. — Бах! Бах! Ж-ж-ж... тарам-бам-бах!

В комнату вошла бабушка.

— Ежик! — сказала она.

Но Ежик даже не обернулся. Уши у него горели, и волосы надо лбом торчали, как иглы у настоящего ежа.

— Ага! — говорил он, задыхаясь. — Вы его к нам, а мы его к вам!

— Ежик, да что у тебя тут происходит? — спросила Зоя Михайловна и пригласила его волосы ладонью.

Тут только Ежик повернулся к ней.

— Понимаешь, — сказал он, — наши сидят в окопе. Вдруг — ж-ж-ж — немецкий снаряд в целую тонну. Но командир не растерялся. Взял большую палку да как бахнет по ихнему снаряду. Он и полетел назад к немцам. И разорвался у них на миллион осколков. Они и побежали, как миленькие... А наши на танках — за ними.

— Постой, — сказала бабушка. — А сам ты тоже волеешь? Вон какие у тебя ссадины на коленках, да и на щеке парашина.

— Три ранения, — с гордостью сказал Ежик. — Я воздушный десант. На парашюте спускался — прямо со спинки дивана.

— Сколько раз у тебя просила, Ежик, перевестись из десантных войск в кавалерию или в танковую часть! Всё-таки ступля прочнее, чем зонтики.

— Без десанта теперь не воюют, — сказал Ежик.

— Ну тогда возьми отпуск хоть на сегодня. У меня уже голова трещит от этой палбы. Посмотри-ка лучше, что тебе принёс почтальон.

— Почтальон? Мне?

— Да, тебе, из Москвы.

Зоя Михайловна вышла в переднюю и вернулась оттуда с большим пакетом, обернутым в парусину.

— Видишь, — сказала она. — Тут написа-

Это Ежик.

но: «Киев... Для Ежика. Обратный адрес: Москва, 169-я женская школа».

— Я сам распакую! — закричал Ежик. — Раз это мне, я сам!

— Хорошо, принеси перочинный ножик.

Вдвоём они принялись разрезать шпагат и разворачивать парусину. Ежик от нетерпения топал ногами.

— Что там внутри такое? Ну что?

— Потерпи, сейчас увидишь.

Зоя Михайловна разрезала последний стежок и вытащила из парусинового мешка невысокий фанерный ящик. Крышка была забита гвоздиками. Зоя Михайловна приподняла ножом крышку и вынула из ящика школьный портфель с полипропиленовым стальным замком. Портфель был туго набит.

Ежик отомкнул замочек, заглянул внутрь портфеля, а потом стал вытаскивать оттуда всевозможные школьные принадлежности: чистень-

кие тетрадки, лакированный пенал с карандашами, резинками и прозрачными ручками из пластмассы, линейку, цветные карандаши...

— Это тебя московские ребята в школу снаряжают, — сказала Зоя Михайловна, — они, верно, думают, что тебе уже семь лет.

— А когда мне будет семь лет? — спросил Ежик.

— Будущей осенью. Тогда и в школу пойдёшь.

— А как же портфель? — сказал Ежик.

— Портфель никуда не денется. Мы его спрячем.

Ежик нахмурился:

— Не надо прятать! Я не хочу будущей осенью в школу, я хочу сегодня. Вот пойду один и поступлю сам в первый класс, как мама Гуля.

— Год не вышел — не примут, — сказала Зоя Михайловна. — Будешь пока в детский сад ходить.

— С портфелем?

— Можно и с портфелем.

Ежик успокоился и, подняв портфель, вытащил из него всё, что там оставалось: альбом, кисточки, краски и книжку в голубом переплёте, на котором была нарисована девочка с косичками.

— Бук-варь, — прочёл Ежик.

Из букваря выпал литованный листок, весь зарисованный зелёными листьями и красными цветами. На другой стороне листка было что-то написано.

— Прочитай, — сказал Ежик. — Это пописменному.

Зоя Михайловна развернула листок:

«Письмо Ежику от учениц четвёртого класса «Б» 169-й школы города Москвы.

Дорогой Ежик!

Твоя мама отдала жизнь за нас, советских детей. Мы хотим быть похожими на твою маму, и ты гордись ею и будь таким же, какой была она.

Ежик! Мы знаем, что ты скоро пойдёшь в школу, посылаем тебе подарок для поступления в школу.

Ежик! Твою маму теперь знает вся Советская страна, и все будут интересоваться, как ты учишься, так что ты учиься отлично. Шлём привет твоей бабушке. Наша учительница тоже тебе

кланяется и целует тебя. Напиши нам ответ».

Ежик удивлённо поглядел на Зою Михайловну.

— Откуда они меня знают? — спросил он.

— Кто?

— Эти девочки. Московские.

— Тебя они не знают, Ежик. Но они читали про твою маму Гулю, любят её, а потому и тебя любят.

— За маму?

— Да, за неё...

Мальчик отложил в сторону портфель и на минуту задумался.

— Ну собери свои подарки, Ежик, — сказала бабушка. — Смотри, у тебя что-то под ногами валяется.

Ежик поднял с ковра мягкий пакетик. Это были маленькие шерстяные варежки — синие, с вышитыми посередине красными цветочками.

— Это тоже мне? — спросил он. — А что там внутри шелестит?

Зоя Михайловна вывернула варежку: в ней оказалась сложенная четверо записка.

«Дорогому Ежику, — прочла вслух Зоя Михайловна, и голос у неё дрогнул... — Милый Ежик, грей свои ручонки в моих варежках. Я для тебя их связала. Ученица четвёртого класса «А» 169-й школы г. Москвы Залогина Вера».

Зоя Михайловна бережно сложила записочку. Ежик надел варежки и стал их молча разглядывать, вертя руками. Зоя Михайловна тоже молчала, думая о чём-то своём.

— Что же написать от тебя девочкам? — спросила она.

Ежик помолчал, подумал и сказал:

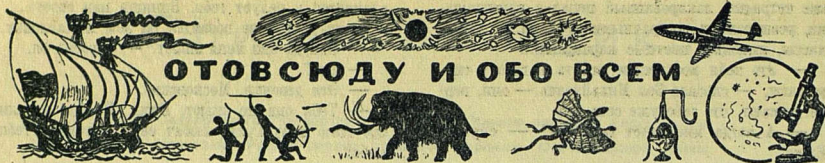
— Напиши всем, всем девочкам, которые знают про нашу маму Гулю, — и мальчикам тоже, — что я им посылаю привет. Так и напиши: «Привет от Ежика». А когда научусь, я сам им напишу.

— Хорошо, Ежик, — ответила Зоя Михайловна. — А пока иди гулять.

В этот вечер Ежик долго не мог уснуть. Он переворачивался с боку на бок, садился в постель, звал к себе бабушку и всё расспрашивал её о пикеле, о войне, о Москве, о маме Гуле.

Бажется, только в этот день он по-настоящему понял, кем была его мама.

Елена Ильина

НЕЗРИМЫЕ ПОМОЩНИКИ ГЕОЛОГОВ

Не просто найти нефть, притаившуюся глубоко в недрах земли. Но опытный геолог знает признаки, выдающие присутствие нефти, разбирается в них так же хорошо, как охотник в следах зверя.

Один из самых верных признаков — горячий газ в верхних слоях земли над залежами нефти. Обнаружив его, геолог почти уверен в успехе. Нефть близко!

Нефть и газ — постоянные спутники. Однако лёгкий газ тянется вверх. По трещинам, меж песчинок и камней пробирается он к поверхности земли, проникает в воздух. Нужно сделать химический анализ воздуха в том месте, где газ выходит наружу, и тайна нефти открыта. Но часто сквозь плотные породы просачивается так мало газа, что никакие пробы его не обнаруживают.

Помощь пришла со стороны — от учёных-биологов, ищущих не нефть, а новые виды бактерий. Они открыли новые бактерии. Стали их изучать. И тут оказалось, что эти бактерии питаются горячим газом, тем самым газом, что помогает геологам разыскивать нефть.

Живут эти бактерии в почве, где есть хоть немного такого газа. Достаточно положить кусочек почвы под микроскоп, чтобы узнать, есть ли нефть в глубине. Если гнездятся в почве эти бактерии, значит, есть тут их пища — газ. А раз есть газ — близости должна быть и нефть.

Новый способ разведки уже проверен. Недалеко от города Ставрополя Кавказского нефтянки, пользуясь «указаниями» бактерий, пробурили удачную нефтяную скважину.

ЖЕМЧУЖИНА ЮЖНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ

На этом снимке вы видите просторное, светлое здание, огромные, мощные машины — прокатные станы. Это заново восстановленный цех проката тонкого листа завода «Запорожсталь». Цех этот протянулся больше чем на километр, он похож на прекрасный остеклённый проспект.

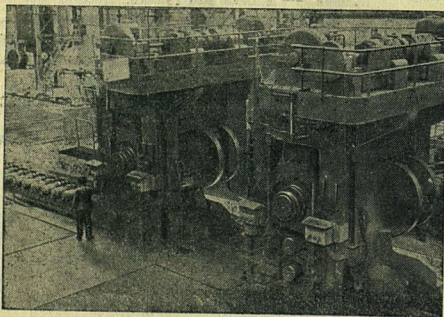
Гигантский завод «Запорожсталь» вырос в годы первых пятилеток. Советские люди с гордостью называли его «жемчужиной южной металлургии».

Немцы до основания разрушили завод-гигант и чудесный социалистический город, раскинувшийся вокруг него. Ещё до окончания войны со

всех уголков нашей страны к «Запорожстали» потянулись товарные составы, гружёные заводским оборудованием. Восстанавливать «Запорожсталь» отправились тысячи строителей.

День и ночь кипела работа на огромной площадке, протяжением больше десяти километров. Строителям пришлось убрать около миллиона кубометров завалов, восстановить домыны, коксовые и газовые печи, воздухопроводы, железнодорожные пути, жилые здания.

Самотверженные советские люди справились с этой огромной работой, они сдержали слово, данное товарищу Сталину. Завод-гигант снова работает. Бурлит чу-

гун в доменной печи, варится сталь в мартенах. Толстые цилиндрические слитки стали на мощном прокатном стане — слябине — превращаются в плоские бруски — слябы. Из сляба, прошедшего сквозь стан с толстыми вальцами, получается тонкий стальной лист.

«Жемчужина южной металлургии» снова сияет в цепи наших заводов. С берегов Днепра непрерывным потоком идёт сталь во все концы нашей страны.

ПОДМОСКОВНЫЕ БАХЧИ

После сбора урожая в подмосковном колхозе имени Ильича, Кунцевского района, была устроена интересная выставка. Рядом с крупной морковью и кормовой свёклой — гигантскими картофелинами, весом в пятьсот — шестьсот граммов, и огромными, трёхпудовыми тыквами лежали крупные полосатые арбузы, золотистые дыни и кавказская фасоль «лоби».

Все эти овощи выросли не под горячими лучами южного солнца, а тут, в Подмосковию, где лето сравнительно короткое и прохладное.

Колхоз взялся за выращивание южных теплолюбивых культур по указанию товарища Сталина. 6 июня колхозники привезли рассаду из подмосковной оранжереи и высадили её на южном склоне.

На дно небольших ямок они положили конский навоз, а сверху присыпали дерновой землёй, смешанной с перегноем. В эти ямки посадили рассаду.

Колхозницы бережно и внимательно ухаживали за рассадой. Укрывали её парниковыми рамами для защиты от ночных холодов, поливали, рыхлили землю, подкармливали. В середине августа они сняли первые арбузы, «украинские скороспелки», весом в три — четыре килограмма, а недели через две — внушительные арбузы «король Кубы». Вес их доходил до десяти и даже до четырнадцати килограммов. Вслед за ними поспели и дыни. С небольшого участка собрали двести сладких арбузов и сто душистых и сочных дынь.

Лучшие из них колхозники послали в подарок товарищу Сталину.

Колхоз имени Ильича сделал хороший почин. В будущем году 150 подмосковных колхозов заведут бахчи у себя.

СОЛНЕЧНАЯ МАШИНА

В ясные, безоблачные дни на землю в изобилии падают солнечные лучи. Особенно горячо палит солнце на юге.

Вот бы пустить это тепло в дело! Такая мысль пришла изобретателям давно. Они даже подсчитали, что в одном только Узбекистане можно с помощью солнечного тепла получить столько электрической энергии, сколько не дадут и сотни ДнепротЭСов.

Как превратить тепло в электричество, тоже давно известно. Надо всё устроить так же, как в обычных электростанциях. Только нагревать паровые котлы не углём или торфом, а солнечными лучами. Но тут-то и была загвоздка: сколько ни грей котёл на солнце, вода не закипит.

Однако изобретатели от своих замыслов не отказались. Помог им солнечный «зайчик». Изобретатели взяли несколько сот зеркал, поймали каждым зеркалом солнечные лучи и направили все «зайчики» в одно место. Страшный получился жар: не только вода закипала — металлы плавилась!

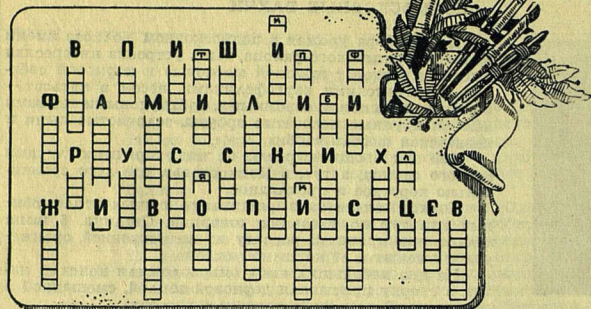
Такая солнечная машина построена советскими инженерами по проекту доктора Ф. Ф. Мадеро. Внешне она похожа на испоминскую вазу для фруктов. Внутри чаши уложены зеркала. Над чашей укреплен котёл с водой. Он словно паук держится над ней, вцепившись в края чаши лапами — трубками. «Зайчики» от всех зеркал направлены на котёл — на брюшко «паука». По одной из трубок в котёл подаётся холодная вода, по другой — из машины уходит пар. Его можно направить на электростанцию, на заводы, фабрики.

Солнце передвигается по небу с востока на запад и чапа с зеркалами всё время поворачивается за ними: особый механизм передвигает чашу вслед за солнцем. Машина работает целый день.

В последнее время в нашем Союзе построены три мощных солнечных машины: одна — в Москве и две — в Средней Азии. Это опытные машины. Но недалеко время, когда сотни и тысячи зеркальных чаш будут ловить для нас солнечное тепло.

Загадки, задачи, головоломки

ПАЛИТРА Кроссворд

Впишите по вертикали фамилии двадцати восьми прославленных русских художников-живописцев.

ШАХМАТНЫЙ ТУРНИР

В клубе состоялся шахматный турнир. Каждый играл со всеми участниками по две партии: одну — белыми, другую — чёрными.

В турнире участвовало 18 шахматистов.

Сколько очков набрали все шахматисты!

СТАКАН ДРОБИ

В стакане находится дробь разных размеров.

Что надо знать и как без сложных вычислений определить, какую часть стакана занимает дробь и какую часть — промежутки между дробниками и стенками стакана!

Ответы на задачи № 8

Кроссворд „Москва“

Мартос (памятник Милану и Пожарскому).

Опекушин (памятник А. С. Пушкину).

ПоСтник и Барма (храм Василия Блаженного).

Казаков (Московский государственный университет).

Щусев (Казанский вокзал).

Андреев (памятник Н. В. Гоголю).

Головоломка

Ключ представляет собою, как нетрудно догадаться, часть таблицы умножения.

Найди цифровое выражение буквы в ключе (например, И-12, так как $3 \times 4 = 12$), заменим этой буквой цифру текста.

В результате прочитаем фамилии известных русских математиков:

Остроградский.

Лобачевский.

Ковалевская.

Чебышев.

Соболев.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Баллада о пионере.— <i>Борис Раевский. Рис. Ф. Лемжуля</i> . . . 1 стр.	Свет Москвы.— <i>Лев Кассиль. Главы из повести. Рис. В. Цельмера</i> . . . 21 .
Новый учитель.— <i>В. Осеева. Рис. Б. Винокурова</i> . . . 2 .	Наша почта 30 .
Ваш большой друг.— <i>Вера Смирнова</i> 9 .	В мастерской С. Т. Ноненкова.— <i>Эм. Брагинский</i> 34 .
Клад.— <i>Ю. Новикова. Рис. В. Константинова</i> . . . 12 .	Привет от Ежика.— <i>Ел. Ильина</i> 36 .
Новая карта недр.— <i>Н. Н. Михайлов</i> 16 .	Отовсюду и обо всем 38 .
	Загадки, задачи и головоломки 40 .

На обложке: рисунок В. Климашина „Зима пришла“

Редколлегия: Атаров Н. С., Воронков К. В., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В.

Адрес редакции: Москва, улица «Правды», 24, комната 566, тел. Д 3-30-73.

Подписано к печати 1/ХІІ—47 г.

Изд. № 875.

82×110.

3/4 бум. листа.

А 09032.

76 999 печ. зн. в печ. листе. 5 печ. л.

Тираж—58 000.

Заказ 3132

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

Вычистил ли ты
СЕГОДНЯ
своё платье и обувь?

Ходить в грязном платье — некрасиво и вредно для здоровья.

В грязи и в пыли много микробов — возбудителей заразных болезней.

Не забывай ежедневно чистить одежду и обувь. Но не делай этого в жилой комнате.

Школьник должен быть чистым и аккуратным!

*Центральный институт санитарного просвещения
Министерства здравоохранения СССР*

Наступила чудесная пора для ребят, любящих спорт. Мы надеемся, что ваше звено весело и с пользой проведёт свободное от занятий время. Готов ли ваш спортивный инвентарь! Почините свои лыжи, сделайте для них распорки и стеллажи, наточите коньки. Для малышей смастерите санки. Да и сами вы с удовольствием прокатитесь на них с горки.

Здесь на этом рисунке показаны самые разные санки. Их не трудно сделать из любых материалов, которые найдутся у вас под рукой. В дело пойдёт и старое решето, и обломки лыж, и клёпки от старых бочек. В решето постелите сено, снизу облейте водой и заморозьте.

Возьмитесь дружно за дело, и вы весело проведёте время.